

Владимир Виленович
Лиштванов

Одиссея одинокого волка

Владимир Лиштванов

Одиссея одинокого волка

«Издательские решения»

Лиштванов В. В.

Одиссея одинокого волка / В. В. Лиштванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837912-3

Потомок князя и бедного крестьянина, в детстве боявшийся глубоких водоёмов, он стал подводником. Дослужился до капитана второго ранга, а в старости пришлось стать простым охранником.Его жизнь полна разнообразных событий. Победы и поражения, взлёты и падения случались на каждом шагу. Его окружали неординарные люди, необычных судеб, он попадал в различные ситуации, память о которых жива в душе.Истории жизни труженика морских глубин, его родственникам, друзьям и сослуживцам посвящена эта книга.

ISBN 978-5-44-837912-3

© Лиштванов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Охранник 6
Глава вторая. Сопереживалец 13
Глава третья. Ухмылка реинкарнации 19
Глава четвёртая. Будни между дежурствами 25
Глава пятая. Потомок князя Барятинского 29
Глава шестая. Почётный чекист 35
Глава седьмая. Родители Николаича 44
Глава восьмая. Жизнь в деревне деда Прокопа 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Одиссея одинокого волка

Владимир Виленович Лиштванов

© Владимир Виленович Лиштванов, 2021

ISBN 978-5-4483-7912-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Охранник

Капитану второго ранга в отставке, какой раз снится один и тот же странный сон.

Он снова оказался на Камчатке, в прибрежном посёлке, где служил. Рядышком оказался дом тринадцатый, где кавторанг жил в те, стародавние времена.

Николаич зашёл в подъезд, но с боковой стороны, не как обыкновенно. Поднялся на третий этаж. Открыл входную дверь в собственную квартиру.

Зашёл в прихожую, стал снимать шинель, а под ней гражданский костюм.

– Просто непонятка, – подумал он, – что это? В шинели и в гражданке. Полностью спятил никак?

Удивившись, кап-два пошёл в комнату. А в жилом помещении, угрюмо давящие на психику, бетонные массивные стены, все в ядовитой зелёной краске. Пол полностью в кафельной метлахской плитке, как в больничном морге.

Туалеты странные, жуткая помывочная. Нет ни стульев, ни стола, ни мебели, ничего. В голову пришла тревожная мысль:

– Где это я?

Ещё в одну комнату зашёл. Оказалась её загромоздили непонятными ящиками.

Николаич принялся искать собственную форму, но никакой нет возможности найти.

В это время соседка с другого подъезда заходит.

– А, – говорит, – приехал, форму ищешь?

– Ну да.

– Да всё на месте лежит, ни кто не трогал.

Не найдя формы, он повернулся и расстроенный вышел из помещения. Решил зайти к сослуживцу. Выбравшись из дома, оглянулся по сторонам и не понял, где находится.

Вокруг стоят странные квадратные здания из старого красно-коричневого кирпича со следами грязи, мазута и копоти. Окна громадные, стёкла покрылись слоем пыли. То ли жилые дома, то ли производственные цеха, не понятно.

Раскорячились в чудовищном нагромождении краны козловые, рельсы. Густая пыль вокруг. Да и сам посёлок производит гнетуще-тяжелое впечатление.

Ещё время года, вообще, непонятное: то ли весна-лето, то ли лето-осень.

Поодаль толпятся человек пять народу, и дерутся два майора, капитаны третьего ранга. Одежда по форме: в шинелях и фуражках, форма – гвоздь.

Капитаны дерутся, а пятеро обсуждают, как они дерутся, репликами подбадривая драчунов. Причём все пьяные, как колы.

Николаич удивился, но не стал вмешиваться и направился к садику.

Спустился ниже садика, хотя надо идти наверх, на семь ветров.

Под уставшими ногами кавторанга оказалась дорога бетонная, плиты мощные такие, в густой твёрдой пыли, и идут навстречу масса военных.

Народ идёт неулыбчивый, хмурый. Всё в большей мере майоры и подполковники, то есть капитаны третьего и второго рангов.

В толпе мимо прошёл механик с подлодки, служили вместе.

Их квартиры располагались на одной лестничной площадке, напротив друг друга.

Он виновато глянул на Николаича, так искоса и не поздоровался.

– Борисыч, – окликнул кап-два, – ты что, это самое, не здороваешься?

Механик засуетился, бегом, бегом и, юркнул как мышка, ушёл, ничего не ответил.

– Откуда их набралось столько? – удивлённо подумал Николаич, – У нас в посёлке ни в какие времена не находилось такое множество старших офицеров! А где младшие офицеры? Где мичмана? Где гражданский люд?

Все идут пьяные, такие как дрюки, заторможенные, как роботы, или зомби.

Кап-два пошёл дальнейшей дорогой. Впереди краны громоздятся морские, козловые, за ними краны поперечные. Куча кранов громадных, застывших в невероятных позах.

На пути расположились здания огромные из красно-коричневого кирпича, а жилья не видать. Серые, неуютные домишки стоят.

Невдалеке народу набежало, человек пятьдесят, а возможно и больше.

Стоят, толпа громадная, и рядом человек восемь кавторангов дерутся между собой с неимоверной силой и все в дымину пьяные. А вокруг эти стоят, друг дружку толкают, что-то обсуждают, и тоже в стельку пьяные.

Николаич такой картины не выдержал и громко кричит им:

– Мужики, вы чё делаете?

– Да пошёл ты.

– Я на семь ветров иду, но не пойму где я, запутался либо?

– Тебе каких семь ветров?

– Не пойму, что за посёлок? Это Рыбачий?

– Какой Рыбачий? Это не Рыбачий, это посёлок Серый!

– Да и впрямь серый, народ кругом весь серый, грустный! Всё вокруг мрачное, неуютное! – мысленно удивился Николаич, а вслух спросил, – А где это?

– А ты что, не знаешь?

Кап-два удивлённо посмотрел по сторонам. Знакомая бухта посёлка, где он жил, сопки.

Народ в форме, но все пьяные в шею. Да и название посёлка другое.

Странно всё это, ужас как странно. Оглянулся, дом вроде его.

– Не дурак ли я, – подумал встревоженно Николаич.

Постояв с минуту, решил вернуться домой. Вышел в шинели, по форме, а принялся подходить к дому, стал в пиджаке гражданском.

– Зайду, с окна посмотрю, – подумал он.

К себе заходит, дверь открывает в квартиру, и оказывается перед обрывом. Продолжения дома нет, одна дверь от квартиры осталась. Тогда он повернулся и спустился к соседу на первый этаж.

У соседа входную дверь открывает, но вместо угловой трёхкомнатной квартиры, попал в непонятную одну комнату, дверь как от шкафа навесили входную. Вырисовывалась полная чушь.

От этого странного, тяжёлого сна Николаич проснулся с тревожным чувством.

– Явное наваждение, – подумал он, – по всей видимости, посёлку приходит кирдык! В прошлом месяце встретил сослуживца. Он сообщил, что народу в посёлке уменьшилось в три раза. Здания рушатся. Новый построенный Дом офицеров флота назвали Домом культуры. Дом, где я жил, сейчас не жилой, забросили. Прошло двадцать лет, как уволился и с семьёй уехал из посёлка.

Николаич тяжело вздохнул и посмотрел на часы. В другой день ещё повалялся бы в постели часика два, но сегодня пора вставать, идти на работу. Он тяжело поднялся с кровати и нехотя пошёл в ванную комнату.

Открыв водопроводный кран, он сунул голову под струю холодной воды, что била сильным напором. Брызги влаги стремглав залили упитанные, покато-мускулистые плечи, упругую спину.

Множеством юрких ручейков, стекала с головы по толстой крепкой шее на грудь. Обдавая голову и тело холодной, голубовато-прозрачной энергией, что уносила вместе с проточной водой весь скопившийся чёрный негатив.

Возвращая организм к бодрости, лёгкости мыслей и физическому здоровью.

Плеская воду на живот, спину, грудь, Николаич стал активно растирать и массировать руками мышцы. Выпрямившись перед зеркалом, посмотрел на помолодевшее лицо, на крепкое, сбитое тело.

Фигуру уродовал большой живот, похожий на половину огромной белой тыквы.

Внуки временами, играючи начинали дубасить живот деда ещё маленькими, но крепкими кулаками. Они ощущали боль от собственных ударов, удивлялись и недоумевали, откуда такая крепость в теле деда.

Они с недоумением смотрели, когда дед в двадцатиградусный мороз ходил по двору в лёгонькой, типа майки, исподней рубахи.

Минутку пройдясь, он задирал всё и начинал растираться колючим снегом.

Бабка запрещала внукам следовать примеру деда, хоть кап-два и звал их принять снежные процедуры. Он также пытался приучить внуков обливаться холодной водой, что вызывало страшное противодействие со стороны жены.

Приняв водные процедуры, и энергично вытершись махровым полотенцем, Николаич внимательно взглянул в зеркало.

На него смотрел пожилой мужчина шестидесяти лет, с малостью уставшим взглядом, из-под насупленных бровей. Ясно-голубые глаза казались грустновато-добрыми, несущими ясность ума и неуёмную жизненную энергию.

Сейчас взгляд излучал спокойствие и умиротворённость, но случались мгновения, когда становился тяжёлым. Он пронизывался холодной энергией неукротимой злобы, её приходилось прятать глубоко внутрь организма, сжав губы и прикрыв веки.

Кап-два вспомнил глаза товарищей по службе и подумал о том, что в тёмных глазах тяжело прочитать всю ту многогранную палитру мыслей, тревог, бесконечной радости и печали, страха и тоски, слёз и смеха, заволакивающей, туманной дымкой ухода в далёкое прошлое и отрешённости видений будущего, что несут в себе голубые глаза.

На него смотрели глаза старого подводника, кто отдал лучшие годы собственной жизни служению Отчизне, в бескрайних глубинах Великого Океана. Он пребывал среди одних из Великих Пахарей Океана. Являясь Подводником с большой буквы.

Пробывшим, в общей сложности, около шести лет под водой без всплытия и прослуживший свыше 15 лет в плавсоставе подводных лодок сурового Тихоокеанского флота. Где один год приравнивался к двум годам службы в других местах.

Это специфическая категория людей, для кого служба в подводном флоте становилась смыслом жизни. Это был подвиг маленьких людей, что длился всю взрослую жизнь. Их великий героизм проявлялся через пот и кровь этих людей, через знания и опыт, что накапливались годами невыносимо тяжёлой подводной службы.

Личное мужество и отсутствие ощущения страха из-за привитого до зомбирования чувства действовать согласно обстановке: спасать лодку, а значит себя и своих товарищей.

Встречались личности, что забывали «мы», а говорили «я», получали орден, или звезду Героя стоя в руководстве этой команды.

В команде героем становился каждый, но он не получал звезду Героя потому, что он представлял собой команду. Команда и корабль, это одно целое. Не всем дана возможность стать подводниками, так же как художниками и музыкантами, мастерами художественных промыслов и учёными.

Это призвание даёт дар божий.

Николаич продолжил внимательно рассматривать себя.

В зеркале, над глазами, возвышался покатый лоб, его увенчивала незначительная плешь, её обрамляли коротко подстриженные седые волосы.

Нижняя часть лица окаймлялась аккуратно подрезанными усами с густой, благообразной бородой, что придавало законченный портрет старому варягу-подводнику. За эту бороду многие его называли: «Бородой».

Бороду, для придания имиджа, Николаич стал отращивать ещё, когда начал службу лейтенантом.

Николаич считал, что она придаёт респектабельность и вызывает уважение в глазах окружающих, это делало хозяина бороды взрослея.

Устав службы не разрешал ношение бороды подводникам, она мешала при облачении в водолазный костюм. Усы разрешалось носить, а бороду – нет. Чтоб борода не мешала, он брил её около шеи, а саму бороду делал страшно короткой. Чтоб снизу маска дыхательного аппарата охватывала лицо.

Николаич внимательно осмотрел лицо и решил, что усы с бородой можно сегодня не подстригать. Он отошёл от зеркала и отправился собирать еду на сутки работы. После этого он оделся, взял всё необходимое и вышел из дома.

Часы показывали половину восьмого утра, но зимнее солнце не торопилось рассеивать ночную мглу. На лёгком морозце снег приглушённо поскрипывал под сапогами. По исхоженной дороге ему встречались пожилые мужчины в форме охранников.

Николаич, добрался до остановки и сел в подошедший автобус.

Ехать предстояло минут сорок. На конечной остановке он вышел и направился к месту работы.

Это была, огороженная хлипким сетчатым забором площадка, что продувалась всеми ветрами, с будкой два метра на два у покосившихся ворот из сетки. Она притаилась на окраине города между двух кладбищ: одного муниципального, а другого – частного.

На площадке хранились новые автомобили отечественного производства от автоцентра «Глинозём». На этой отдалённой площадке Николаич и работал охранником.

Грузно поднявшись по крутым железным порожкам, открыл дверь в будку.

– Что так тяжело дышишь, Борода? – поинтересовался Стас, его сменял кап-два на вверенном посту.

Стас Глинкин был года на три моложе, да не имел избыточного веса, поэтому выглядел подтянутей. В отличие от напарника он не носил ни усов, ни бороды, да и причёска имелась, как у Котовского.

– Лишних сорок кило веса дают о себе знать, – проговорит Николаич, на верхней ступеньке он устало остановился и перевёл дух.

– Так давай бросай эту работу, зачем она нужна?

– Ты знаешь, что я набрал множество кредитов. В будущие три года мне работу нельзя бросать. На одну пенсию не протяну. А потом, в этой будке я отдыхаю от дома и домочадцев.

– А мне надоело работать. Я решил, что весна наступит, и всё брошу.

– Ну и зря. Что тебе дома делать? С женой ругаться, да забубенивать? Таким образом, и спиться можешь.

– За эти гроши, что нам платят, охранять такие большие материальные ценности я не намереваюсь. Я и начальству сказал, что мы с тобой весной напишем заявления об уходе.

– А зачем ты за меня подписываешься? Ты решил уходить, так иди, а я не собираюсь.

– Как знаешь, – произнёс обиженно напарник, взял сумку и проговорил, – ладушки, оставайтесь, а я пошёл домой.

Стас вышел из будки, а кап-два стал переодеваться в костюм охранника.

Напарник тоже бывший военный, отставной подполковник, он проходил службу в ракетных войсках. Служил начальником теплового узла военного городка под Чернобылем.

После аварии на АЭС служил на Дальнем Востоке подполковником на должности полковника, но за пьянку, не дали звания полковника, а демобилизовали на пенсию подполковником.

Имелась у него большая слабость: мог глубоко удариться в запой.

Причём мог страшно пить четыре – пять дней подряд, а случалось и неделями.

Стаса родители ещё живы и этот областной город С. Глинкин выбрал, чтоб находиться рядом с ними.

Со Стасом Николаич знаком с давних времён. Они вместе дежурили в центральном офисе автоцентра «Глинозём», с того времени минуло восемь лет. Тогда Стас работал старшим охранником и старшим смены, а кап-два простым охранников в подчинении Стаса.

На одном из дежурств, ночью С. Глинкин с ещё одним охранником напились, а кап-два не стал. Часа в два ночи приехал сын хозяйки автоцентра и потребовал, чтоб открыли ворота, поставить машину.

Стас оказался настолько пьян, что не смог даже вставить ключ в замок. Николаич открыл замок, ворота и запустил машину.

Видя, что охранники, кроме одного, пьяны в стельку, сын хозяйки срочно вызвал директора ЧОПа. Приехавший директор с заместителем застали спящих пьяных охранников в салонах продаваемых иномарок, один Николаич был трезв.

– Поехали на другие объекты, – предложил директор заму, – посмотрим, как другие несут службу.

– Поехали, – согласился зам., хоть и сам находился в изрядно выпившем состоянии.

Начальники уехали, а минут через сорок позвонил охранник с одного из объектов и стал предъявлять претензии:

– Почему не сообщили, что едет начальство.

На следующий день произошёл разбор полётов и Стас заявил:

– Мы все на вверенном посту находились пьяные.

– Зачем за всех говоришь, – возмутился Николаич, – я был трезв.

– Но мы вместе сидели за одним столом, – не соглашался Стас.

– Так я с вами не пил.

Сын хозяйки подтвердил, что Николаич находился в трезвом состоянии и Бороде с этого времени никаких претензий не предъявляли. Стаса, как друга зам. директора ЧОПа, перевели простым охранником на другой объект, а второго охранника уволили за пьянку на рабочем месте.

Прошёл большой промежуток времени. Хоть С. Глинкин и не признался в неправоте, но Николаич продолжал поддерживать с ним приятельские отношения. Встречались дни, когда в домашней обстановке, могли и тяпнуть рюмашку, другую, но кап-два глубоко не увлекался.

Периодически Стас проваливался в запои и Николаич помещал его в больницу, где его выводили из этого состояния, благо старшая дочь работала врачом. Встречались моменты, когда и С. Глинкин помогал. В один из дней кап-два потребовалось взять крупный кредит в банке, так Стас стал поручителем.

Сейчас они опять работают вместе на этой удалённой площадке.

Работа представлялась не страшно сложной. Когда приезжали техники с автоцентра, охраннику надо, по соответствующим документам, выдать требуемые автомобили и отметить перемещение в журнале.

Когда приходил автовоз, то после приёмки техниками машин, надо охраннику зафиксировать новые автомобили в соответствующем журнале.

Сегодня ещё не появлялись ни техники, ни автовоз.

Николаич переоделся, сел за стол, включил радио и стал слушать новости.

Внимание никак не сосредотачивалось на сообщаемых известиях.

В голове всё время всплывали подробности ночного кошмара.

Это навеяло воспоминания прожитой жизни, документальным фильмом поплывшие перед уставшими глазами Николаича.

Глава вторая. Сопереживалец

Себя он помнит лет с четырёх – пяти, ещё мальцом.

Маленьким хлопчиком, любил Николаич летним утром, как проснулся, вскочить с кровати, схватить с обеденного стола краюху свежего, ранним утром испечённого хлеба и выбежать во двор.

Сейчас он выскочил на свежий летний воздух с приятно пахнущей краюхой. Во дворе, около стены бревенчатой избы росла старая, местами покрытая мхом и лишайником яблоня, а под ней примостилась такая же древняя, видавшая многие виды скамейка.

Хлопчик сел на скамейку и с огромным наслаждением откусил кусочек чудесно хрустящей краюхи хлеба. Звонко похрустывая, стал жевать хлеб, с нескрываемым интересом оглядывая дедово подворье.

Не успел он хорошенько прожевать и проглотить первый кусочек хлеба, как к нему подлетел нахальный воробьишко.

Сел рядышком и требовательно зачирикал, чем хотел привлечь на себя внимание маленького человечка.

Хлопчик его прекрасно понял. Ещё с раннего возраста, когда он мельком смотрел на живое существо, либо держал в руках, как малец мгновенно понимал, иным, неизвестным науке чувством, что это живое существо хотело, в чём нуждалось, какие у него случились переживания и проблемы. Хлопчик ощущал всё живое на Земле и себя месте с ними, как единое целое, единый сложный организм, неразрывно связанный друг с другом бесчисленным числом незримых нитей.

По мере слабых сил хлопчик старался помогать всем живым существам, чем мог. Он никого не обижал. Не боялся ни животных, ни растений, и они его не боялись.

Единственно, чего боялся, так это подходить к лошади сзади. У него имелся сосед, хлопец, на полгода поменьше, чем он сам. Так, тот малец в один из дней подошёл к лошади сзади, а она, сдуру, копытом лягнула. Думали, убила, но нет, отлили водой, отлежался, оклемался и остался жив. Не любил хлопчик и глубоких водоёмов.

Лужи вызывали у него восторг и радость, в них доводилось ловить головастиков, да увлечённо шлёпать босыми ногами, когда гладь воды взрывалась фейерверком брызг причудливо летящими в разные стороны. А речки, пруды и озёра вызывали опаску и страх, от притаившихся в глубинах вод неведомых существ, или непонятных сил которых он не знал.

Сейчас хлопчик понял, что воробей страстно жаждал полакомиться свежим хлебом, и он выражал это желание призывным чириканьем. Малец отломил кусочек хлеба и бросил птице. Воробей с победным видом гордо оглядел окрестности, довольный, что удалось заставить человеческого детёныша поделиться завтраком. Важно склевал хлеб, после чего грациозно почистил пёрышки, и улетел по неотложным птичьим делам.

Хлопчик проводил пернатого взглядом, продолжил уплетать хлеб и возобновил прерванный осмотр окружающего мира.

Вопреки раннему часу, во дворе хорошо ощущалось летнее тепло, лёгкий свежий ветерок приятно обдувал лицо и всё тело. Обитатели подворья занимались повседневными делами, растения тянулись ввысь, подставляли листья и стебли к ещё нежаркому солнцу. По небу плыли белоснежные облака причудливой формы: то похожие на диковинных зверей, то на сказочных птиц, то и на лица различных людей.

Хлопчик благополучно справился с краюхой и решил обследовать пространство за скамейкой, где вчера поселился паук и принялся плести паутину.

Заглянув за скамейку, он застал паука за работой по завершении создания паутинного полотна. Паук выглядел ужас как голодным и злым. Малец это мгновенно понял, когда взглянул на него.

В отсутствие хлопчика на скамейку села муха с намерением полакомиться упавшими крошками хлеба. Он поймал её, протянул пауку и начал приговаривать :

– На муху! Держи её, держи, держи!

Паук, тройку секунд помедлил, он явно раздумывал, принимать столь ценное подношение, или нет, но потом неохотно схватил муху передними лапками и не торопясь начал закутывать в паутину. Хлопчик с минуту понаблюдал за пауком, а затем отправился дальше обследовать двор.

Он решил проведать цветок, что от летнего зноя и недостатка влаги в почве начал засыхать. Хлопчику приходилось неимоверно тяжело видеть эти страдания живого существа, от всего детского сердца жалко засыхающее растение, и вчера днём он полил его.

Сегодня цветок выглядел не таким понурым, листочки растения приподнялись, но живительной влаги ещё не хватало. Малец шустро сбегал в избу, взял кружку с водой и полил цветок. После этого он отнёс кружку и вновь вышел во двор.

Около забора прыгала лягушка. Хлопчик подбежал и поймал её, посадил на руку. Он мгновенно понял, что лягушка хочет в тенёчек, пить хочет. Малец отпустил её в тень, а сам пошёл к копцам – квадратным ямам, куда ежегодно на зиму дед с бабкой ссыпали картошку. Около одной из ям деловито суетилась бабка.

Метра за три от неё хлопчик остановился. От бабки струился, колебался под порывами ветерка, плотный воздушный поток, копною обволакивающий фигуру. Около тела прозрачный воздух становился гуще, в ближнем отдалении от фигуры приобретал разряженный характер и вскоре полностью пропадал. Он залюбовался этим зрелищем.

– Хлопчик, иди сюда! – увидев его, позвала бабка, – Жаб надо выбрать из ямы. Все их боятся, а ты не боишься.

Бабка посадила мальца в пятнадцати литровое ведро и опустила в яму. В яме он вылез из ведра, стал деловито собирать жаб и всё приговаривал:

– Жабы, вас баба ждёт наверху.

Четыре ведра он собрал с жабами, а бабка вытаскивала эти ведра, и ни одна из них не разозлилась, не выделила на коже ядовитую жидкость молочного цвета. Одна неприятная горечь от них ощущалась хлопчиком.

Вечером мать минут сорок бранила бабку за то, что та заставила внука вынимать жаб, она волновалась, что жабы имели возможность отравить мальца, но всё обошлось благополучно.

В один из дней хлопчик сидел за сараем, ковырял палкой труху от перегнивших веток и листьев, внимательно рассматривал их. В это время из сарая вышла бабка с лукошком и позвала:

– Хлопчик!

– А я.

– Ты где?

– Я тута.

– А я тебя ищу, – проговорила бабка когда подошла к нему.

– Что, идти домой?

– Покудова нет. Куры не знаю где понеслись, не в сарае. Пойди поищи, где они снеслись, и собери яйца.

Хлопчик встал, взял лукошко и пошёл по бурьяну, и лопухам. Он ни капельки и не думал куда идти, его вела невидимая сила, ноги сами пришли к местам, где куры снесли яйца. Собрав все куриные яйца, он вернулся к бабке.

– Всё собрал? – спросила бабка.

– Да баба и соседские тоже.

Спустя пяток дней, он маленько простыл, и у него поднялась температура.

Хлопчик лежал в кровати под одеялом в полузабытье, и ему привиделся кошмар.

Он как бы со стороны увидел планету, где хлопец живёт, такую, как потом видел изображение Земли на глобусе в школе, где работала мать – учительница.

Хлопчик сознанием понял, что Земля – живое существо и она тяжело больна.

Больна страшным, трудноизлечимым недугом. Солнца ни крошечки не видно, а вокруг распространялся пасмурно-серый безрадостный свет.

Хлопчик увидел, как вначале Земля имела светлые цвета, но потом по ней пошли странные тёмные пятна, а затем медленно, но неотвратимо стал надвигаться сплошной мрак, безжалостно заволакивающий окружающее пространство.

Больную планету многократно опутывали толстенные, тяжеленные цепи чёрного цвета. Она страшно стонала от невыносимой тяжести и боли, но не могла в этой действительности сделать ни капли.

В одном месте Земля напряглась из последних сил и одна из цепей лопнула, но остальные держали её мёртвой хваткой.

Хлопчик чувственно воспринимал страдания планеты. Он физически ощущал всю тяжесть, что навалилась на несчастную Землю.

От этого непомерного груза ему самому дышать было нечем.

Малец всей детской душой воспринимал болезнь планеты, как она внутренне стонет от мучительной боли. Он физически ощущал, как Земля стремится сбросить эти цепи, освободиться от многочисленных пут, но этого, ни крошечки не удавалось сделать.

В мыслях хлопчик находился вместе с Землёй, он страстно переживал за планету. Он сокрушённо думал:

– Бедная, как ей невыносимо тяжело и больно! Кто знает, как Земле помочь?! Бедная!

Но внезапно появилась из тьмы могучая рука. Мягкий голубой свет пролился на Землю.

Рука стала яростно рвать эти цепи. Они лопались и извивались. Как толстенные, неимоверной длины огромные змеи. Цепи разрывались, разлетались во все стороны, а хлопчику становилось дышать всё легче, легче и легче.

Вдруг чрезмерно строгий мужской голос сурово произнёс:

– Тебе ещё преждевременно знать об этом…

Всё мгновенно исчезло, как дверца в мозгу стремительно закрылась, и малец провалился в кромешную тьму. Он тотчас заснул крепким сном, без сновидений.

На следующее утро хлопчик проснулся полностью здоровым, бодрым, с нормальной температурой тела. Он, как делал это регулярно, вскочил с кровати и выбежал во двор перед дедовой избою.

Окружающий мир выглядел обыденно: светило ласковое солнце, по небу важно проплывали вечно спешащие облака, обитатели подворья сосредоточенно занимались неотложными делами, растения неутомимо тянулись ввысь…

Но имелся маленький нюанс: хлопчик перестал понимать мысли и воспринимать желания животных, а также растений. Он перестал чувствовать жизнь живых существ и собственную сопричастность с ними.

Ещё вчера он находился заодно со всем живым на планете, ощущал себя единым целым со всем животным и растительным миром, всем окружающим пространством, то сейчас он стал воспринимать окружающий мир с какой-то холодной отчуждённой отстранённостью.

Этот дар не прошёл бесследно. С возрастом, у Николаича временами проявлялись способности провидца. В юности происходили не один раз случаи, когда шёл по улице и, видя впереди группу незнакомых пацанов, он мог заранее предугадать: будут они задираться с ним, или нет. Это предчувствие его ни один раз не обманывало в жизни.

Во время службы он любил ездить на охоту. В такие поездки Николаич брал с собой не автомат Калашникова как другие охотники, а карабин с тремя патронами. Бывало, едет в БМП: на левой руке лежал ствол, указательный палец правой руки на спусковом крючке. При слабом шуме, он поднимал ствол карабина и нажимал на спусковой крючок.

В этот момент он мысленно представлял, куда попадёт пуля, в какую цель. Он сердцем чувствовал, куда надо попасть. Сердце сливалось с пальцем руки и стволом карабина, мысль материализовалась с движением пули и та попадала точно в цель.

В отдельных редкостных случаях получалось, что пуля попадала на три – четыре сантиметра в сторону от намеченного места, но это происходило нечасто.

Особливо явственно провидческие способности стали проявляться после демобилизации. Николаич в один из вечеров возвращался поддатым домой, а навстречу попалась соседка Юлька. Она была разведёнкой, и кап-два ей симпатизировал.

Ему нравились её привлекательное лицо с открытым взглядом, стройные, крепкие ноги и упругие, большие груди. Временами вечерком, прижмёт её около забора, начнёт мять округлые формы, да приговаривать:

– Хороши у тебя груди, не то, что у жены Таньки…

Сегодня же она шла как помятая, хмурая, с затравленным взглядом потухших зелёных глаз. Ему вдруг стало всё ясно.

Открылась непосредственная причина её отвратительного настроения, и Николаич точно узнал Юлькино будущее.

– Чего ты переживаешь, сердце рвёшь, – участливо проговорил Николаич, когда они поравнялись, – ничего страшного, что вырезали жёлчный пузырь и без него люди живут. Я знаю, что те, у кого нет жёлчного пузыря, пьют медвежью жёлчь, и она хорошо помогает человеку, она безумно полезна. У тебя ещё всё впереди. Ты в сорок лет родишь девку, да ещё муж будет молодой.

Соседка не поверила, Юлька решила, что он, по доброте душевной, просто успокаивает, узнал от соседских баб о прошедшей операции.

Но прошло время, и действительно Юлька в тридцать шесть лет встретила молодого парня на пятнадцать лет моложе, и вышла за него замуж. В сорок лет благополучно родила здоровую дочь.

Близкие родственники с большой опаской относились к этим способностям, называли Николаича колдуном. Хотя он ни одного раза в собственной жизни не занимался этим и не умел ворожить.

Имелся ещё один примечательный случай. Племянник встречался с девушкой, хотел жениться на ней, но мать была категорически против.

Видя это, Николаич в один из дней сказал невестке:

– Чего ты противишься? Всё равно женится на ней, родится дочь, но через пять лет он их бросит.

Произошло всё так, как он сказал. С тех самых пор невестка в душе возненавидела доморощенного прорицателя, за то, что «накаркал».

Чтоб не сглазил, его не пригласили на свадьбу племянницы в другом городе. Но это не помогло. Хоть племянница на этот момент и живёт с мужем, но детей, с начала свадьбы, пять лет, нет. На этой почве у племянницы с мужем начались недопонимания, хоть Николаич к этому не имел никакого отношения.

На обвинения в колдовстве, Николаич регулярно отвечал, что умей колдовать, он в один раз себе наколдовал кучу золота. Сейчас проживал как олигарх.

Регулярно занимался благотворительностью, да жил припеваючи, а не трудился под старость лет охранником на двух работах, да испытывал финансовые затруднения.

Став взрослым, Николаич понял всю правдивость детского сна. Видение ему пришло в середине пятидесятых годов XX века, когда Штаты активно проводили ядерные взрывы в пустыне, французы крушили атоллы атомным огнём, да и мы, не отставали от них, подрывали ядерные заряды на Новой Земле и других местах.

Планете действительно приходилось тяжело и невыносимо в таких условиях. Есть теории, что считают планету Земля живым организмом.

Требовательно-резкий сигнал автомобиля вернул кап-два в реальность. Он отогнал набежавшие воспоминания, встал из-за стола и выглянул из будки. Перед воротами стоял автомобиль автоцентра и нетерпеливо подавал звуковые сигналы.

Николаич спустился по лестнице, подошёл к воротам и открыл их. Приора, зычно взревела двигателем, бойко заехала на территорию стоянки и послушно остановилась около будки. Дверь машины отварилась, из неё вышел техник, подошёл к охраннику, поздоровался за руку, и протянул четыре накладные :

– Мы эту Приору оставляем, а возьмём Ларгус.

– Хорошо, пойду, отмечу в журнале.

Кап-два взял документы и пошёл в будку, а техник поехал ставить Приору на свободное место и искать требуемый Ларгус.

В будке Николаич достал журнал, записал номер вновь прибывшей Приоры и стал искать Ларгус. Найдя номер автомобиля, он отметил, что его забрали. В это время в будку поднялся техник и расписался в журнале о перемещении автомобилей. Расписавшись в документах и отдав часть из них технику, Николаич вышел из будки и подошел к забираемому Ларгусу. Сверив номера, он выпустил автомобиль со стоянки, закрыл ворота, но на замок не стал закрывать. Вернувшись в будку, кап-два сел за стол и предался прерванным воспоминаниям.

Глава третья. Ухмылка реинкарнации

Встречались моменты, когда у него восстанавливалось мысленное понимание живых существ, но это происходило сравнительно нечасто и скоротечно. Наглядно и памятно это произошло с псом Талгаром. За прожитую жизнь, у кап-два проживало пяток собак, но этот пёс считался выдающимся.

Талгара Николаич завёл ещё на Камчатке. Друг подарил щенка от породистой Московской сторожевой. Согласно родословной, у отца щеночка кличка начиналась на букву «Т» и требовалось, чтоб имя сына начиналось на эту букву. Всей семьёй выбирали имя щенку. Дочь кап-два раздобыла справочник собачьих имён. Для каждой породы собак в книге имелись определённые имена. После изнурительных поисков и споров остановились на имени «Талгар», так щенок приобрёл официальное имя.

Талгар вырос в крупного пса с необыкновенно умными глазами. Он любил садиться задницей на диван. Тогда одна нога доставала до пола, а другая – нет. Николаич надевал ему шляпу и солнцезащитные очки. Талгар вертелся, удивлённо созерцал окружающий мир. Когда в таком виде пёс, весь насупленный, смотрел на хозяина, то кап-два называл его «Бамбука», а когда Талгар гордо поднимал собственную голову, величественно обозревал окружающий мир, то звал «Герцог».

Происходили случаи, когда хозяину удавалось установить мысленный контакт с Талгаром. То уловит желания пса, как тот, мысленно, говорит: «Почеши ты меня, что ли…». Николаич начинал ласково чесать его. Талгар поднимал голову и устремлял одобрительный взгляд на хозяина. То в другой день кап-два мысленно скажет: «Ты надоел мне!». Пёс немедленно вставал и уходил в другую комнату.

В еде Талгар полностью копировал хозяина. Что кап-два ел, то и пёс. Причём точно требовал, чтобы в собачью миску добавляли те же специи и пряности, что и хозяину. Николаич его баловал, шёл на поводу. Специально для пса покупал куриные ноги. Талгар, когда завидит хозяина с вкусным угощением, радостно бросался навстречу. Когда Николаич ничего не приносил, то издали говорил, что ничего нет. Пёс удручённо останавливался, когда хозяин подходил, Талгар меланхолично обнюхивал авоську и степенно следовал рядышком.

Еще, в возрасте щенка, Талгар заболел чумкой. Никакие лекарства не помогали.

Один старый ветеринар посоветовал, что чтобы вылечить щенка, его надо поить водкой. Кап-два поступил по совету доктора. Стал поить Талгара водкой. Щенок выздоровел, но после этого пристрастился к алкоголю. Превратившись в большую собаку, пёс любил с хозяином тяпнуть немножечко пивка из пробки и начинал балдеть после этого.

Талгар охотно пил и пиво, и вино с большим удовольствием. Шампанское пёс не любил. Пузырьки углекислого газа попадали в морду, и Талгар с отвращением отфыркивался. Водку он тоже не любил. Сам не пил, отворачивался, её приходилось заливать в пасть силком.

В один из дней, ещё на Камчатке, когда потребовалось идти за пивом, кап-два взял с собой пса. Подойдя к магазину, Талгар опрометью бросился к прилавку, и попутно принялся расталкивать всех.

Мужики загалдели: «Ради Бога забери ты его! Возьми пива и уходи!». Хозяин сделал так, как просили.

Придя домой, Николаич налил кружечку пива псу. Талгар вылакал с большим удовольствием и довольный улёгся отдыхать. Находясь сам в недурном подпитии, хозяин переборщил пива и через малый промежуток времени пёс начал рваться.

Кап-два вытащил Талгара на лестничную площадку, и пёс по лестнице кубарем слетел со второго этажа на улицу. На свежем морском воздухе он с великим трудом доплёлся до газончика и растянулся на травке в пьяном угаре, организм пса боролся с последствиями алкогольного отравления.

В один из вечеров Николаич внимательно посмотрел на пса.

У Талгара наблюдался умный, строгий взгляд мудрых глаз, да имелась представительная осанка. Весь его внешний вид вызывал уважение и лёгкую робость. Они выпили друг с другом обычную норму пива.

Кап-два присел на диван, он принялся пристально рассматривать собаку.

– Кем мы были с тобой в другой жизни? – подумал он.

Вдруг Николаич начал дремать и ему привиделось, что идёт большое переселение народов с востока на запад. Шли войны в полном военном обмундировании: с мечами и щитами, у многих имелись луки со стрелами. Ехали повозки с утварью и домашним скарбом. Мчалась конница. Шёл пеший люд: старики, женщины и дети.

Посреди этого внушительного переселения двигалась повозка с троном.

На троне, в величественной позе восседал пёс Талгар, в образе мудрого старца с седой бородой. Рядом с ним Николаич увидел себя, в облике молодого война с мечом Русича средней длины и щитом.

Старец говорит, что он ведёт всех этих людей, они идут по указаниям старца, а молодой воин, Николаич, внук старца. Отца с матерью у молодого война нет, есть один дед – этот мудрец.

В следующий момент старец отдал очередное указание. Молодой воин вскочил на рядом идущего коня и галопом поскакал исполнять волю мудреца. Внук непрерывно двигался туда-сюда, он старался вовремя передавать все указания деда. Но прошло время, видение подёрнулось лёгкой дымкой, и кап-два заснул.

Откуда у него способности к мыслительному общению с животными и предсказаниям, Николаич не знал. Хоть в роду и имелись колдуны, ворожеи, да знахари, но к передаче этих способностей по крови, он относился скептически, считал всё это глупостью и полной чушью.

Есть вероятность, что это передалось от двоюродной бабки, жены брата родного деда, эту бабку Николаич в детстве звал тётей Машей.

Тётка шаманила, болезни лечила, выговаривала, и возможно, часть этих способностей передала ему. В народе говорят, что в конце жизни, те, кто умеет ворожить, передают это тем, кто регулярно присутствует около таких людей. Кап-два систематически навещал эту тётку. В один из таких приездов он ей сказал:

– Ты не угадала, надо было к маме приезжать. Не надо мне ворожить, тебе вернётся это.

– Да внучек, котик, каточек, что ты, что ты! Да я, да я…, – заюлила тётка.

– Тёть Маш, мы вдвоём и я всё вижу, что ты делаешь.

– Ой, да ладно.

Есть вероятность, что этот дар Николаич получил ещё от кого. В дедовой деревне многие шаманили и обладали способностью гипнотизировать.

Тётка матери рассказывала, что когда росла девкой, то отец бабы Насти, прадед Спиридон, спокойно внушал окружающим любую вещь и люди представляли это воочию.

В один из зимних вечеров ударил сильный мороз. Они, молодыми девками, сидели в соседской избе: семечки лузгали, песни пели. Вдруг дверь отворилась и заходит Спиридон, крупный такой мужик, здоровый, с густой бородой. Девки все опешили. Он на них так внимательно посмотрел и спокойно говорит:

– Вода, вода….

А входная дверь нараспашку и холодный воздух с зимней улицы идёт, помещение начало заполняться клубами пара, а он продолжает говорить:

– Вода, вода….

Все смотрят, и вправду со стороны улицы начинает литься вода. Девки попрыгали по лавкам и табуреткам, а вода всё прибывает. Холодом жутко прёт. Чтоб не замочить подолы, стали их поднимать всё выше и выше, а вода продолжает заполнять избу. Через тройку минут студёная вода до лавок дошла.

Прадед Спиридон посмотрел на всё это, а потом и говорит:

– Х-х-а-а-а….

Раз, мгновенно всё бесследно пропало, а девки стоят на табуретках и лавках с задранными подолами….

Ко всему этому Николаич относился с легкой иронией, с высоты марксистско-ленинского материалистического мировоззрения, что фундаментально приобрёл на школьной скамье, хотя Бога и не отрицал.

К религии у него имелось иное отношение, не совпадающее с линией партии.

В пятидесятых и последующих годах атеисты в стране не так воинствовали, как в двадцатых, хоть Н. С. Хрущёв и обещал, через два-три года, показать всем последнего попа. Население, в особенности живущее в сельской местности, продолжало верить в Бога и соблюдать религиозные обряды. В деревнях и сёлах, в каждой хате, на видном месте висели иконы.

Дед Прокоп, отец матери хоть и слыл страшным матерщинником, любил выпить, да погулять, но за стол садился, шапку снял, ложку брать – перекрестился.

Взял ложку, покушал. Встал. Подошёл к иконам в красный угол и с десяток минут стоит, читает шёпотом молитвы. Так он делал постоянно.

В селе, где в детстве жил Николаич, церкви не имелось, она располагалась около соседнего села. В тот храм дед Прокоп регулярно ходил на службу.

В соседнем селе жил священник по прозвищу Микулич. Он был маленького роста, но такой весь из себя плотный, солидный, в хромовых сапогах. В церкви собирались бабки, шёл молебен, но после Микулич напивался пьяным вдрызг.

В один из летних дней прошёл дождь, Микулич вышел из церкви, едва ноги передвигая, после очередного возлияния церковного кагора.

После дождя на улице грязь, ноги разъезжаются, он не устоял и упал в лужу. Бабки суетятся вокруг, пытаются поднять, а мальцам весело.

– А, глянь, Микулич опять пьяный, – кричит один из хлопцев.

– Нельзя, грех, – ругаются бабки.

Мальцам интересно смотреть на эту картину и никак не понять: почему деревенским мужикам позволительно валяться пьяными в грязи, а Микуличу нет.

Вскоре Микулич пропал из села. Одни говорили, что уехал, а другие утверждали, что помер.

Церковь закрыли и десять месяцев служба не возобновлялась.

В 1955 году её разобрали по кирпичику, и фундамент не оставили.

Восемь лет на этом месте зияла огромная яма, но потом и её засыпали, сровняли с землёй.

Дед Прокоп, когда проезжал это место регулярно крестился и страшно ругался:

– Антихристы, преступники, натворили! Разве можно это трогать! Безбожники, грешники, ещё воздастся неверие!

Николаич, в раннем детстве, всё время удивлялся. Его поражало. Он детским умом не понимал взрослых. Зачем надо валить это великолепие. Он видел дедовскую убогую хату и эту красивую церковь, хлопец воспринимал её, не как храм Божий, а как неземную красоту, он не думал ни о Боге, ни о религии.

– Зачем, люди дурные это сделали, – думал он, – имелась у нас красотище необыкновенное, такое завораживающее великолепие, а они повалили, разрушили и вырыли яму. Как можно красивое разрушить?

Николаич до сегодняшнего дня не способен понять, зачем требовалось тогда уничтожать храм Божий, он никому не мешал.

Н. С. Хрущёв хоть и считался ярым противником религии, обещал показать «последнего попа» через два, или три года, но рушить церкви указаний не давал.

Это инициатива исходила от местных «комбедовцев: голытьбы, да пьяниц», как называл местное партийное и сельское руководство дед Прокоп.

Из кирпича церкви построили в селе школу и рядом машинно-тракторную станцию. Спустя шестьдесят два года, школа хоть и обветшала, но стоит, а от машинно-тракторной станции ни одного кирпичика не осталось.

Богопротивные дела не приносят пользу человеку. Да и тех, кто рушил церковь, постигла незавидная участь, всё пронеслось, как в пьяном угаре.

Никто из них не жил счастливо: одни спились, другие подверглись репрессиям, третьи по разным причинам наложили на себя руки.

О религии и Боге Николаич стал задумываться значительно в позднем возрасте. Родители, согласно коммунистическому воспитанию, считали себя атеистами. Дед по отцу Василий Терентьевич тоже. Дед по матери Прокоп с бабкой считались глубоко верующими, и они регулярно говорили внуку о Боге.

В раннем детстве это заставляло его задумываться о многом, о чём сверстники не думали. Он с любопытством разглядывал окружающий мир. Удивляясь, к примеру, почему летает пёрышко, выпавшее из перины. Пёрышко не птица, оно летать не должно. Видно Бог помогает ему.

Повзрослев и начав учиться в школе, под влиянием советского воспитания, Николаич стал воспринимать бабкины разговоры о Боге как пережиток, как причуды пожилых людей.

Надев форму офицера, когда стал служить на атомных подлодках, понял, что есть во вселенной если не Бог, то Высший Космический Разум – однозначно.

Это убеждение укоренилось в мозгу Николаича после каждого раза, когда они возвращались на базу практически с того света.

В один из выходов в море с подлодкой, где служил кап-два, произошёл примечательный случай. Они погружались на целых тридцать семь метров ниже дна моря.

Это произошло в одном из районов учебно-боевой подготовки. На базу пришёл корабль: атомная подлодка нового поколения. Экипаж корабля полностью состоял из прикомандированных. По прибытии на базу, они возвратились домой.

В это время Николаич служил на корабле старого поколения. Из-за нехватки людей, костяк команды корабля, где служил Николаич, по приказу командующего, перевели на этот новый корабль.

Штурманом у них служил Юра Безгодов, его назначили помощником командира корабля.

Чтоб утвердиться в должности, ему предстояло сдать зачёты в районе боевой подготовки.

Вышли в море и направились в заданный район. За кормой нависла непроглядная ночь. Юра район знал, а командир – нет.

Штурмана район плохо знали. Во время движения все находились в центральном: командир на своём положенном месте, Юра, как помощник командира, сдавал зачёты, штурман – на своём, боцман – на рулях.

Корабль шёл на глубине сорок метров. Спустя минут двадцать командир даёт команду:

– Боцман, погружаемся на глубину сто двадцать метров.

Боцман начал погружение, а Юра, в мозгу прокрутив этот приказ, взволнованно выкрикнул:

– Штурман район?

Штурман назвал район, где находились. А в этих местах глубины, как точно знал Юра, всего восемьдесят, девяносто метров.

– Глубина до дна? – нервно выкрикнул он.

В обязанности штурмана входит постоянное определение глубины до морского дна.

В иные времена это определялось вручную, а сейчас на подлодке стоит автоматика, и штурмана перестали регулярно делать это определение.

Оказалось, что до морского дна на тридцать семь метров меньше, чем они погружались.

Немедленно стали отрабатывать задний ход, реверс. Скорость подлодки узлов пятнадцать, при такой скорости реверс не действует. Рули на всплытие не помогают. Скорость малую толику стала падать, но и глубина до морского дна уменьшается.

Продувать воздух после сорокаметровой глубины бесполезно, а лодка продолжает погружаться по инерции.

Неминуемо произойдёт столкновение с дном, от этого возможны любые последствия, однозначно вероятны и трагические.

Присутствующие в центральном всё поняли и побледнели.

До морского дна оставалось двадцать метров, пятнадцать, десять…. На глубине семи метров от дна лодка, наконец, остановилась.

Что спасло их неизвестно. Из-за неровностей дна попали в ложбинку, а возможно, и Бог помог остаться в живых. Пожалел, не стал забирать к себе их грешные души.

После остановки лодка потихоньку выровнялась, и благополучно всплыли. Все присутствующие в глубоком молчании вышли из центрального поста, и направились наверх – курить.

Наверху их встретила холодная ночь с пронизывающим ледяным ветром. Видно, возмущённая природа мстила людям за то, что Бог не прибрал их к себе. А они в лёгких робах.

Но никто это не почувствовал, они ощущали жару от нервного перенапряжения.

Люди ещё находились под впечатлением от едва не случившейся беды.

Юра не курил, он пошёл в каюту замполита поделиться происшедшим. Узнав все новости о случившийся ситуации, Николаич отправился с помощником командира в центральный пост. Вскоре пришёл командир: серый, осунувшийся, губы дрожат, курил «Казбек».

– Ну, чё командир? – спросил Николаич.

– Всё, замполит, ставлю все зачёты, – взволнованно, от не прошедшего ещё нервного стресса, проговорил командир, – а сейчас будем возвращаться домой.

Чисто таким образом они вернулись с того света. Недаром у военных моряков есть поговорка: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился».

Глава четвёртая. Будни между дежурствами

За воспоминаниями былого, время пролетело незаметно.

Больше за это дежурство никто не приезжал и кап-два, с чувством выполненного долга, в восемнадцать часов вышел из будки, спустился к воротам и закрыл их на висячий замок.

После этого он прошёлся между рядами машин, убедившись, что всё в порядке, вновь поднялся в будку.

На улице уже стало темно, и он включил освещение периметра площадки хранения новых автомобилей. Вскоре пошел снег. В свете фонарей хорошо были видны снежинки, плавно опускающиеся на землю. Это навеивало покой и умиротворение в душе.

Николаич достал провизию и решил подкрепиться. После ужина он немного полистал журнал с кроссвордами. На улице снег так и не перестал валить крупными хлопьями, и кап-два решил почистить дорожку к воротам от снега.

В двадцать три часа он позвонил на центральный пост, сообщил, что на объекте без происшествий и договорился, что больше не будет звонить до утра.

Повозившись ещё некоторое время, он выключил в будке свет и лёг спать.

Утром он встал, убрал постель, надел куртку охранника и вышел из будки.

Ещё не рассвело, но от свежевыпавшего снега и освещения ламп, на улице не было так темно. За ночь снег замёл весь его вечерний труд. Он взял под будкой лопату и снова стал очищать ступеньки и дорожку к воротам от снега. Закончив работу, Николаич поставил рабочий инструмент на место, поднялся в будку и, сняв куртку, позвонил по мобильнику на центральный пост.

– На отдалённой площадке без происшествий, – доложил он.

– Хорошо, – ответил старший смены, – готовься к сдаче дежурства.

Николаич отключил мобильник и стал переодеваться. Затем он подмёл в будке пол, протёр его влажной тряпкой, заполнил журнал сдачи дежурства и стал ждать сменщика.

Сменщик пришёл вовремя, и Николаич сдав дежурство, отправился домой.

Дома он оставил вещи в обычном месте, прошел в свою комнату, переоделся в домашний костюм. После чего отправился на кухню завтракать.

Приготовив себе еду, он полез в хлебницу, а там нет хлеба. В это время в кухню заглянули внуки.

– Чего хлеба-то нет? – удивлённо спросил дед у них.

– Бабушка ходила в больницу и купила только полбуханки хлеба, – ответил один.

– Она сказала, – добавил второй, – что нам этого хватит, а ты придёшь и сам себе купишь.

– Вы уже завтракали?

– Да.

– А собак кормили?

– Да.

– Сейчас я поем, и мы все пойдём очищать снег со двора. Если, хотите, то можете идти, начинать.

– Хорошо, дедушка.

Больше ничего не стал говорить внукам кап-два, а принялся завтракать без хлеба.

Закончив есть, он убрал со стола, помыл посуду. После этого подошел к вешалке, надел старую телогрейку, шапку, взял лопату и вышел из дома.

Внуки во дворе уже активно расчищали дорожки от снега. Две собаки, кобель и сучка, с интересом наблюдали за происходящим. Дед подошел к ребятам и принялся помогать им.

Николаич жил с семьёй в частном одноэтажном доме с мансардой. Это давало много плюсов и ему это нравилось.

Но были и минусы. Одним из них был тот, что если во дворах многоэтажных домов зимой снег с тротуаров дворов убирали дворники от ЖЭУ, то в частном секторе приходилось это делать самим.

С одной стороны это было обременительно, но с другой – это позволяло немного физически размяться. Активно помахать лопатой, удаляя выпавший снег, ему доставляло удовольствие.

Закончив уборку снега, ребята пошли продолжать заниматься своими делами, а дед вернулся в дом, переоделся и отправился в ближайший торговый центр купить хлеб и продуктов.

Подойдя к продуктовому отделу торгового центра, он вспомнил, как около двух лет назад, как раз в этом месте, к нему подошла худенькая, молоденькая девчушка. На дворе был тогда сильный мороз, а она в лёгкой курточке, капроновых колготках и тонких полукедах.

– Дядь, дай закурить, – попросила она.

– Да я не курю и тебе не советую, – проговорил Николаич, и ещё раз окинув её изучающим взглядом, произнёс, – а что ты в такой мороз и в полукедах?

– Я тут недалеко живу, и на минутку выбежала в магазин.

– Ты что, бухаешь?

– Нет, я не пью.

– Так ты что, одна живёшь? Чего родители так выпустили?

– Я сирота, живу с подружкой. Ей уже дали квартиру, а мне ещё нет.

– Ну а кушать то у вас что-нибудь есть?

– Да вот хлеба сейчас куплю, а так картошка у нас ещё есть, и больше ничего нету.

Жалко ему стало сиротку. Наши новоявленные толстосумы покупают себе яхты, самолёты, заграничные футбольные клубы, а здесь сирота ходит зимой полуголая, да есть ей особо нечего.

– Как звать то тебя? – спросил Николаич, доставая деньги.

– Наташа.

– На, – протянул он ей три тысячи рублей, – купи себе штаны, чтоб теплее было, да сапоги. Не гоже в такой мороз полуголой ходить.

– Спасибо, – проговорила Наталья, беря деньги.

– У тебя мобильник есть?

– Есть.

– Дайка мне его номер.

Девушка продиктовала номер мобильного телефона, и они расстались.

Так они стали общаться. Через некоторое время кап-два снова встретился с Натальей. Оказалась, что она купила сапоги в магазине «Пятёрочка», но они развалились буквально через месяц. Понесли в мастерскую, а сапожник говорит:

– Ну а что я буду их клеить, они опять развалятся. Это их прибивать надо, или ещё что-то делать, а здесь всё очень хлипкое. Всё снова развалится.

Николаич пошел в «Second hand», там у него были знакомые девчонки – продавщицы. Они подобрали для неё хорошие сапоги на меху, до колен и кожаную куртку. Так он сделал Наталье подарок к Новому году.

Наступил Новый год. Сидя с женой за праздничным столом, на котором была красная икра, хороший коньяк и другие деликатесы, Николаич грустно подумал:

– Вот мы сидим, празднуем, а эти девчонки – сиротки ничего не имеют….

Снова ему стало их очень жалко.

При очередной встрече с Натальей, он поинтересовался:

– А чего ты не идёшь работать?

– Я паспорт потеряла, сейчас восстанавливаю.

Кап-два снова дал ей немного денег на одежду и еду. Вскоре Наталья поступила на работу в магазин. Вначале работала по два часа, как стажёр, а потом начала работать полный день. Девчонки – продавщицы принесли ей кто сапожки, кто колготки, кто шубейку небольшую. Немного приодели девчонку.

В магазине Наталья проработала недолго. Её вскоре выгнали то ли за воровство, то ли ещё за что. Особо она не вдавалась в подробности, но деньги клянчила регулярно. Это быстро надоело Николаичу.

Однажды она снова позвонила:

– Вы когда будете возвращаться с работы домой?

– Вечером.

Наталья встретила его по дороге и сразу стала плакаться:

– Хлеба не за что купить, обувь прохудилась.

– А чего ты не работаешь?

– Так меня ж выгнали.

– Тогда иди, становись на биржу, или ещё куда устройся. Ведь работать надо. Я ж не миллионер! Где я тебе столько денег возьму?

Наталья достала пачку тонких дамских сигарет и вынула одну, решив с горя закурить.

– Говоришь, что денег нет, а куришь, – возмутился Николаич, – бросай курить!

Затем достал сто рублей и проговорил, протягивая деньги:

– Возьми на хлеб, но чтоб я тебя больше не видел, пока не начнёшь работать, иди отсюда.

Летом Наталья с подругой ездили в Москву, пытались там найти работу, но ничего не нашли и вернулись. Сейчас она стала работать на швейной фабрике.

Как-то Николаич рассказал об этих подругах родственнику.

– Давай их отдрючим, – предложил тот, – пусть хоть так отблагодарят тебя за финансовую поддержку.

Наталья как женщина не нравилась Николаичу. Слишком худа и страшненькая. А вот подруга была фигуристой и на мордашку смазливая. С ней бы он не отказался провести приято время в интимной близости. Да тут и повод подвернулся. Наталья, наконец, получила квартиру. Кап-два договаривался с подругами, те были не против встречи в узкой компании, для взаимного удовольствия. Как назло, в это время родственник сломал ногу и интимной встречи не получилось.

Вспоминая Наталью, Николаич взял хлеб, хорошего кофе, шашлыков из свинины, баклажку пива, две бутылки перцовки, и ещё по мелочи. Расплатившись у кассы, он отправился домой.

Дома его радостно встретили собаки. Открыв входную дверь, он отогнал кобеля, а сучу, решил впустить.

– Надо дать что-либо собакам. Сделаю я им бутерброды, – подумал он, ставя пакеты с провизией на стол.

Не успел он отойти к холодильнику, как сучка встав на задние лапы, передними свалила один из пакетов и, выхватив шашлык, стала жадно поглощать его.

– Ах ты гадость такая! А ну, пошла, – возмутился Николаич.

Сучка схватила остатки и убежала. Даже лук не оставила. Грустно вздохнув, кап-два убрал за собакой и принялся освобождать пакеты.

Пока он возился на кухне, раздался звонок мобильника. Взглянув на экран, узнал, что звонит заместитель директора ЧОПа П. А. Рязановский.

– Алё, – произнёс кап-два, включая мобильник.

– Николаич, заболел Стас Глинкин, – сообщил зам директора, – завтра надо выйти вместо него.

– Мне ж послезавтра выходить на сутки.

– Я попросил бы вас отдежурить двое суток.

– А что, заменить больше некем?

– Нет, больше нет ни кого.

– Хорошо, я выйду завтра и послезавтра.

Слегка огорчённый таким известием, кап-два выключил мобильник и отправился на кухню. Зажег газ на плите, поставил кастрюлю с бульоном и стал варить себе суп на предстоящие двое суток.

В это время пришла жена и принялась себе готовить еду.

Кухня хоть и большая, но вдвоём там нелегко развернуться около газовой плиты. Это жене вскоре надоело и она начала ворчать:

– Ну что ты ходишь тут, мешаешься.

– Мне ж надо приготовить на работу еды.

– Потом приготовишь, а сейчас не мешай!

– Подожди немного, вот закончу и уйду.

– Я думала, что ты, в конце концов, или сгоришь, или утопнешь, или погибнешь. И я буду женой погибшего офицера, буду получать твою пенсию, или хотя б пятьдесят процентов от неё. Буду и жить хорошо, и ни в чём себе не отказывать, но не получилось. А жаль!

– Если б ты с первым зятем в середине девяностых не размотала всё, что я вам давал, то сейчас бы жила припеваючи. И детям, и внукам осталось бы! А теперь что ж страдаешь, сама виновата.

– Я ни в чём не виновата, это ты сам во всём виноват!

Николаич не стал больше препираться, а ушел в свою комнату. Из прожитой с женой жизни он знал, что переубедить её в чём-то невозможно. Это всё равно, что выйти, стать к столбу и рассказывать. Если она упёрлась рогом, то бесполезно ей что-либо доказывать. По этой причине он старался с ней не связываться.

В молодости она была женщиной симпатичной, даже привлекательной, но с годами кое-что растерялось, но кое-что осталось. Особенно хуже стал её упрямый характер, временами злобный, иногда туповато-придурковатый, что не исключало других хороших черт и ласково-мягкой любви к маленькой внучке.

Мужа она ненавидела зачастую лютой ненавистью, но иногда тихо. Хотя у него характер был мягкий, добрый, отзывчивый, как считал сам Николаич. Как он сам о себе говорил: «Пластилин».

Но редко кто знал, что иногда он был взрывной, не признающий ни принципов, ни законов, ни авторитетов. Иногда упрямство такое было действенной забавой, но бывало он за секунды менял свои решения по, казалось бы, совсем незначительной причине.

Глава пятая. Потомок князя Барятинского

Утром следующего дня, кап-два встал, собрался и отправился на работу.

Подойдя к отдалённой площадке, он увидел, что трактор автоцентра ещё не расчистил дорогу от снега. Пришлось добираться до будки охранников по узкой дорожке, протоптанной среди сугробов, а в некоторых местах приходилось лезть через снежные завалы.

Ледяной ветер мешал движению, он отчаянно старался холодными щупальцами проникнуть сквозь одежду и добраться до тела путника. Николаич стойко преодолел все преграды и благополучно добрался до охраняемой территории.

Сообщив по мобильнику старшему смены, что он заступил на дежурство, Николаич узнал, что сегодня трактор не приедет расчищать площадку от снега.

Получалось, что за весь день ни кто не будет забирать новые автомобили.

Кап-два переоделся в форму охранника, сел за стол и призадумался.

В его возрасте нормальные люди сидят дома на заслуженном отдыхе, да плюют в потолок, а тут приходится подрабатывать сторожем. В принципе денег хватало, вот если б только не взятые кредиты и некоторые другие проблемы.

Ему стало грустно.

Вот сидит он в этой будке на краю областного центра, как на краю земли, и караулит господское добро. То, что один дед в начале прошлого века уничтожал, а другой дед берёг, теперь приходится охранять ему.

Ещё в молодости, знакомясь с царским временем, он всегда недоумевал, почему кто-то рожден быть барином, а остальные люди вынуждены жить бедно.

Они должны всю жизнь работать, не учиться, не читать книги. Это его всегда убивало, и он не хотел с этим мириться.

Его деды, по отцу и матери, родились до революции и по происхождению были разных сословий. Они люто ненавидели друг друга и никогда не здоровались при встрече.

Так угодно было Судьбе и Богу, что дети классовых врагов полюбили друг друга и создали крепкую советскую семью, в которой появились он с братом.

Дед по матери, Прокоп, или Прокопий, был внебрачным сыном князя Барятинского Владимира Владимировича.

Правнук лицом чем-то походил на именитого предка. Такой же высокий лоб, такое же широкое, скуластое лицо. Правнук, хоть и не знал ничего о прадеде, но, как и прадед в молодости отрастил бородку.

Прадед, окончив Морской кадетский корпус в 19 лет, несколько лет служил в Гвардейском экипаже, вышел в отставку в чине лейтенанта в 1904 году. Правнук в 22 года стал лейтенантом подводного флота и вышел в отставку в 1992 году в чине капитана 2-го ранга.

Семейное предание так повествует о том, что дед Прокоп был внебрачным сыном князя.

В раннем детстве, мать Прокопия, Ольга уже была очень милым и красивым ребёнком. Увидев её, бывший наместник Кавказа, генерал-фельдмаршал в отставке, князь Александр Иванович Барятинский, сильно очаровался её личиком и изящной фигуркой, и заплатив родителям приличный калым, в несколько раз превышающий выкуп за невесту, в 1875 году привёз юную Ольгу из тех мест.

И неё в Курской губернии не было родственников, и Александр Иванович поселил маленькую Ольгу в родовом имении князей Барятинских в селе Ивановском Курской губернии, в усадьбе Марьино.

Когда она подросла, то её сделали служанкой в этой усадьбе. Там она прожила несколько лет, занимаясь уборкой господских комнат.

На барских харчах Ольга превратилась в статную, очень красивую девушку с длинной смоляной косой и чёрными глазами.

Шестнадцатилетний двоюродный внук Александра Ивановича стал обращать внимание на очень красивую служанку, прислуживающую в усадьбе. Внимание молодого князя льстило Ольге.

Как-то вечером он сказал:

– Зайди сейчас в мою спальню, убери там.

– Слушаюсь, Владимир Владимирович, – ответила девушка и направилась выполнять приказание.

За ней последовал молодой князь. Зайдя в спальню, он закрыл дверь, быстро приблизился к служанке и обнял её сзади. Ольга очень испугалась, ещё никто из мужчин с ней так не поступал.

– Не надо, барин, – смущенно проговорила девушка, пытаясь вырваться из объятий.

– От чего ж не надо? – возразил князь, поворачивая её лицом к себе и добавил, – или я не нравлюсь тебе?

– Вы симпатишный, – призналась она.

– Вот видишь, а ты не хочешь побыть немного со мной наедине, – игриво произнёс он.

– Но вы ведь ещё совсем юны, – пыталась урезонить молодого князя Ольга.

– Зато я очень хорошо целуюсь, – парировал он и властно поцеловал в губы.

От этого поцелуя у бедной девушке перехватило дыхание, и закружилась голова. Князь же страстно продолжал целовать её, призывно гладить руками желанное тело Ольги. Это побудило её уже самой захотеть этих ласк.

Видя, что служанка не сопротивляется, молодой князь взял её за руку и подвёл к кровати. Там он снова обнял её, и ласково целуя, бережно положил девушку на ложе, продолжив страстные ласки.

От всего этого она перестала воспринимать окружающий мир. Ольга прикрыла глаза и полностью отдалась сладостным ощущениям и переживаниям.

Из мира грёз её вернула резкая боль между ног, внизу живота и тяжесть молодого князя, лежавшего на ней. От полученной боли слёзы брызнули из прикрытых глаз.

– Зачем вы так поступили со мной? – сквозь слёзы спросила она.

– Ты мне давно нравишься и я не смог устоять перед твоей красотой и очарованием, – ответил довольный князь.

– Но ведь так нельзя делать! Это не по-христиански!

– Зато теперь ты стала моей женой. Хоть не законная, но любимая!

С этого дня, молодой князь стал регулярно овладевать служанкой. После первого раза, её ощущения стали менее болезненны и вскоре эти встречи стали доставлять молодой женщине удовольствие.

Прошло время, талия Ольги округлилась, появился приличный живот, а через девять месяцев, благополучно родила мальчика, назвав его Прокопом, что с древнегреческого означает успех, или преуспевание. В метрике, его записали Гончаровым Прокопием Савельевичем, рождённого 8 января 1889 года.

Роды пошли на пользу женщине, и она превратилась в писаную красавицу, на которую заглядывались все мужики в округе.

Владимир Владимирович от ребёнка не отказался, а стал воспитывать, как собственного сына, но незаконно рожденного. А вот к молодой матери постепенно охладел и вскоре перестал вступать в половую близость, что очень огорчало её.

Князь часто надолго уезжал в столицу, где учился в Морском кадетском корпусе. Однажды он приехал с каким-то важным барином.

Князь вызвал к себе Ольгу, мать Прокопа.

– Я приехал со своим очень хорошим другом и хочу, чтоб ты удовлетворила все его желания, особенно в кровати.

– Когда ж вы меня позовёте в свою кровать?

– Вот обслужишь моего гостя, а потом я займусь тобой. Это мой приказ!

– Слушаюсь, – покорно проговорила молодая женщина.

– Вот и хорошо. После обеда мы будем в голубой гостинице, принесёшь туда нам фрукты.

– Слушаюсь.

Как было приказано, по завершении обеда Ольга принесла в голубую гостиную фрукты. Владимир Владимирович с гостем удобно расположились на диване.

Это был молодой, голубоглазый, светлый весь мужчина. Он хоть и сидел на диване, но сразу видно было, что имел почти сажень роста, косую сажень в плечах, и был мощного, крепкого телосложения. Налитые мышцы угадывались под одеждой.

– Угощайтесь фруктами, дорогой князь Иосиф. Конечно, у вас в Сербии фрукты лучше, но и у нас кое-что имеется, – проговорил молодой князь, – а коль захотите женских ласк, то моя служанка в вашем распоряжении.

– Вы очень любезны князь Владимир, – ответил гость, с любопытством рассматривая служанку, хищным взглядом оценивая её аппетитные формы и обворожительное лицо своим прямым орлиным взглядом.

– Я же пока вас покину, – сообщил князь, вставая, мельком заметив, что Ольга гостю очень понравилась, – наслаждайтесь!

Князь вышел из гостиной. Не успела дверь за ним закрыться, как гость поймал служанку за руку и привлёк к себе.

– Не будем терять время! – хрипло прошептал он с лёгким южно-славянским акцентом, – внешне ти добже хороша, теперь посмотрим, какова ти в любовних ласках!

Больше не говоря ни слова, он быстро раздел её, повалил на диван и страстно овладел ею. Его напор и темперамент позволили и служанке возбудиться, а по умению ласкать женщину, он был равен князю и даже немного превосходил его.

Несколько раз, овладев женщиной, гость, наконец, успокоился и, отвернувшись от неё, сладко заснул.

Ольга ещё немного полежала, приходя в себя, а потом встала, оделась и вышла из помещения в надежде, что князь выполнит обещание и уделит ей время в любовных ласках. Но на этот раз князь забыл о ней.

Прошло немного времени, и талия служанки снова округлилась, вновь появился большой живот. Через положенное время Ольга родила второго сына, назвав его Михаилом, а в метрике записали: Михаил Иосифович Колькута.

Прошло ещё около года, и снова князь привёз важного гостя, теперь уже из Малороссии, молодого атамана запорожских казаков. Он был среднего роста, но кряжистый, с характерным казацким чубом на бритой голове. Как у опытного казака, оселедец ниспадал на левую сторону.

Как и в прошлый раз, Владимир Владимирович подложил под гостя Ольгу.

Этот гость был очень темпераментен, но менее нежен и ласков, чем предыдущий. Он доставил ей несколько приятных минут, но результат оказался тот же. Через девять месяцев Ольга благополучно родила третьего сына. Назвали его Тимофеем.

Для матери все сыновья были одинаковы, а вот князь привечал лишь своего родного – Прокопия. Отсутствие детей от брака с артисткой Л. Б. Яворской, ещё больше привязывало князя к внебрачному сыну.

Владимир Владимирович начал возить Прокопа с собой с пяти лет. Уже тогда внебрачный сын правил всюду с князем. У княжича не было понятия, что такое один день не пообедать. Князь обучил сына чтению, письму, арифметике.

Однажды, ещё пацаном, Прокоп обкатывал молодую лошадь, животное что-то испугалось и взбрыкнуло, сбросило его наземь, и он поломал бедро. В результате этой травмы, княжич стал хромать.

После случившегося, князь стал ещё больше опекать и оберегать сына.

Хоть Прокоп и имел другую фамилию, но все в округе знали, что он княжеский сынок. Регулярно Прокопий с князем объезжали всё имение и проверяли, как идут дела.

Тогда люди на княжеских землях хорошо жили. Бывало князь приедет с Прокопом в имение, а управляющий им докладывает. Что произошло в отсутствии князя, кто как из мужиков и баб работает, подавал соответствующие списки. Князь тех, кто хорошо работал, поощрял вещами. Мужикам выдавал хромовые сапоги, а бабам – шали, отрез сукна какого-нибудь. Кто похуже работал, тем – платок, или ещё что, скромнее, чем преуспевающим в работе.

Князь с раннего возраста отпустил окладистую бородку, которая делала его значительно старше своих лет. По этой причине, когда накануне Первой мировой войны Марьино в составе майората перешло к Владимиру Владимировичу Барятинскому, местные крестьяне прозвали его «Старым князем», хотя ему было тогда около сорока лет отроду.

Когда Прокопу исполнилось двадцать один год, и он мог управлять имуществом самостоятельно, а также заключать договора без попечителя, старый князь выделил внебрачному сыну большой надел земли из княжеских владений, около местечка Коренево, Курской губернии.

Владимир Владимирович дал много денег, и Прокопий построил себе громадный, по тем меркам, кирпичный дом, где он поселился с матерью и двумя братьями. На деньги князя Прокоп выстроил большую конюшню, где держал много породистых лошадей. Он стал весьма состоятельным человеком.

Всё шло своим чередом. В январе 1917 года Прокопию исполнилось двадцать восемь лет, и князь стал подыскивать ему невесту.

Февральская революция и большевистский переворот спутал все карты.

Понимая весь антагонизм новой власти и дворян, князь решил бежать за границу. Надеясь, что власть большевиков будет недолгой и, пытаясь сохранить хоть часть добра, Владимир Владимирович с Прокопием приехали в Марьино.

В усадьбе пока всё было тихо. Хоть везде уже активно работали волисполкомы и другие организации, но Марьино пока никто не трогал.

– Нам надо срочно вывезти и спрятать в надёжное место хоть часть ценного имущества, – объяснял князь сыну, – Голытьба, пьяницы, взяли власть. Это приведёт к тому, что всё здесь будет разворовано и уничтожено!

– Что надо делать, – деловито поинтересовался Прокоп.

– Иди, организуй несколько подвод и как можно больше сундуков, а я начну собирать самое ценное.

Вскоре все сундуки были заполнены и уложены на подводы. Князь с сыном отправились в укромное место прятать, нажитое не одним поколением предков, ценное добро. Так им удалось сделать пару раз, но возвращаясь из очередной поездки, они увидели, что группа крестьян из соседних деревень уже хозяйничает на территории усадьбы.

– Жаль, что не удалось всё увезти, – проговорил огорчённый князь, – но, слава Богу, что хоть часть спрятали. Пора и нам с тобой уходить отсюда.

Они сели в повозку, запряженную двумя породистыми конями, и отправились в сторону Коренево. Там, поблизости, около большого пруда, расположилось ещё одно имение князя, с добротным домом и хозяйственными строениями. Эта усадьба расположилась между двух деревень. Здесь жил управляющий всеми окрестными землями. Подъехав к центральному дому, князь остановил коней и проговорил:

– Ты оставайся здесь и жди меня. Я узнаю дорогу в сторону Харькова, что там, и вернусь за тобой! Запомни, никуда не уходить!

– Хорошо, – ответил сын, – буду ждать.

Погода испортилась и стала отвратительной. Было начало ноября, и пошёл сильный, холодный дождь. Словно природа оплакивала их бегство.

Прокоп пошёл в дом, а князь отправился в путь. Прошли сутки, затем вторые, но князь не возвращался. Княжич подождал ещё несколько дней, но от князя не было ни слуху, ни духу.

Вскоре пришли мужики из окрестных деревень и стали грабить это имение, а дом разобрали на кирпичи.

Расстроенный таким поворотом дела, Прокопий решил отправиться к матери и братьям в свой дом. Прибыв на место, он обнаружил полное разорение не только дома, но и конюшен. Лошадей и след простыл. Вскоре даже фундамент был разобран по кирпичику и ничего от дома не осталось.

Ещё более расстроенный, он отправился в село, неподалеку от этих мест, где у него был маленький охотничий домик. Там он встретил мать с двумя его одноутробными братьями. Они перебрались сюда после разграбления дома Прокопа.

В селе, он стал жить с матерью и братьями, помогая по хозяйству.

В 1918 году Прокоп съездил в губернский город и привёз оттуда невесту, уроженку здешних мест. Она была грамотной девушкой, чисто говорящей на русском языке, в отличие от местных в селе. Там часть селян говорило на украинском, а часть на русско-украинском суржике.

До революции она была экономкой у прокурора губернии губернского центра. Была молодой, симпатичной девкой и заведовала всем хозяйством этого прокурора.

Вскоре невеста стала женой Прокопия, а спустя определённый срок, в 1919 году, у молодой четы родилась дочь. Девочке дали имя Мария.

В 1919 году уезд заняли войска белой армии. Прокопия сразу отвели в отдел контрразведки. Его не били, не унижали, но настойчиво требовали показать, куда было спрятано княжеское добро. Особенно их интересовали породистые княжеские лошади и коровы, да и куда дел своих.

У князя лошади и коровы были породистые, коров князь из Голландии завозил. Часто породистых лошадей Владимир Владимирович отдавал и внебрачному сыну.

Прокоп им ничего не сказал, сославшись на то, что всё было разграблено местными крестьянами.

Когда ж выгнали белых и село заняли красные, те тоже принялись выяснять у Прокопа, где княжеское добро. Красноармейцы подошли к этому вопросу радикально. Они отвели его на мельницу, и принялись избивать, стегать кнутом, обзывая всякими неприличными словами.

Очевидцы потом рассказывали, он так орал от боли, что было слышно за несколько вёрст. Но истязателям ничего не удалось выведать. Прокоп продолжал утверждать, что крестьяне всё растащили.

Не добившись ничего, его отпустили.

Полученная в детстве хромата спасла его от мобилизации в армию, как у белых, так и у красных.

Вскоре всё успокоилась и началась размеренная жизнь при советской власти.

Прошло некоторое время и с помощью братьев, он построил себе маленький домик, где стал жить отдельно с женой и дочкой.

Вскоре его выбрали первым председателем сельсовета, как человека знающего грамоту. Но пробыл он в начальниках не долго. Из волости пришло указание удалять из органов власти буржуазные элементы и Прокопия отстранили от должности, как сына, пусть и внебрачного, но классового врага.

Уже вначале шестидесятых годов старший внук спрашивал у деда Прокопа:

– Дедушка, а всё же добро ж княжеское было? Картины, статуи?

Дед сразу как-то поник, подпер голову рукой и задумался.

– Это тебе знать не надо, это будет большая беда, – с суровой грустью проговорил дед, спустя некоторое время.

Всю жизнь дед Прокоп тосковал по Марьино, по другим княжеским имениям, по своему дореволюционному дому. К концу жизни, в 1962 году он переехал в Льгов, где до сих пор сохранился княжеский дом Виктора Ивановича Барятинского. Сейчас там расположена старая городская больница.

В тот год дед Прокоп уговорил и брата-машиниста переехать в Льгов из Четы.

Но там он прожил всего два года и в 1964 году скончался.

Уже значительно позже, когда деда не стало, Николаич рассказал брату о том разговоре.

– Ну и правильно сделал дедушка, что не рассказал тебе, – ответил брат, – ты б по своему характеру это добро государству не отдал бы, а спрятал в гараже, или ещё где. Милиция всё равно узнала б об этом. Могли всё забрать, а тебя посадить.

Глава шестая. Почётный чекист

Дед по отцу, Василий Терентьевич, был родом из той же губернии, что и дед Прокоп, но из беднейшей крестьянской семьи.

В семье детей было много. Не всегда ели досыта, бывало зимой, на всех четверых детей были одни только валенки. Вот и бегали в туалет, или босяком, или по очереди за сарай.

Прадед, Терентий дожил до 93 лет, а собирался прожить 110 лет. А не прожил лишь по собственной вине.

У него был огород, а рядом росли вербы, которые мешали. Он одну вербу спилил, а пень остался. Терентий пень обкопал, обрубил корни, и надо было вытащить. Прадед был маленьким, щуплый, пятидесяти килограмм веса в 93 года.

Он обвязал пень вожжами и самостоятельно принялся тянуть. Нет, чтоб людей позвать, лошадь взять. Но так и не вытянул, пошел домой, сказал бабке, что завтра надо будет позвать людей, чтоб вытащили. После этого он сел обедать, выпил, как обычно, чекушку водки и отправился спать. Утром начали будить, а он мёртв.

Перед революцией 1917 года Василию Терентьевичу удалось закончить четыре класса церковно-приходской школы, но больше учиться не пришлось.

Начавшаяся революция вселила надежду на лучшую жизнь. Революция всем нужна была. Кому-то с жиру, кому-то с дури, а кому-то от безвыходности.

В начале апреля 1918 года немецкие войска оккупировали территорию Грайворонского уезда и приблизились к Белгороду. Белгородский Совет обратился к населению с воззванием об организации отпора немцам. Срочно приступили к формированию вооруженных отрядов из рабочих и крестьян.

Василий с братьями и друзьями, в числе первых, отправился в Белгород и записался бойцом красной гвардии, воевать за светлое будущее.

В 1919 году Василий уже в составе РККА воевал на Южном фронте.

Он был пулемётчиком. В одном из боёв его дивизия понесла большие потери и её отвели на отдых и переформирование в Киев.

В это время в городе пронёсся клич, призывающий к погромам.

Многие бойцы дивизии поддержали это воззвание и принялись грабить, убивать евреев, насиловать евреек.

Эти зверства были явно хорошо кем-то организованы. Василий не стал принимать участие в погромах, удивляясь этим бесчинствам. Он был противником всего этого.

Руководству Красной армии пришлось снять с фронта две дивизии, чтоб усмирить погромщиков. Зачинщиков арестовали, самых активных расстреляли, а всю дивизию расформировали и бойцов отправили в другие дивизии.

Так Василий попал на Туркестанский фронт. Там он продолжил служить пулеметчиком, где участвовал в разгроме Южной армии Колчака. К концу 1920 года его назначили командиром пулемётной роты.

В конце 1920 года, как хорошего командира и преданного бойца с врагами молодого социалистического государства, его направляют в кремлёвскую охрану, где он становится чекистом и прослужил там шесть лет.

Кроме Василия, в охране были и другие люди. Приходилось сопровождать и Ленина, и Троцкого на выступления на заводы. Четыре раза ездил с Лениным и шесть раз с Троцким.

Ленин был таким маленьким, рыжим шибзиком, но когда начинал говорить, это всё, веришь только ему.

Вот он говорит, и все заворожено внимают ему. Он всё говорит, доходчиво и понятно, как есть, всю правду, то, что надо людям, то, что они хотели для себя и своих детей.

Троцкий, мужик такой, скромный, борода такая, представительная, и голос мощный. Начинает говорить Троцкий, и думаешь: «Да, Троцкий прав, Ленин не прав».

Начинает говорить Ленин, то думаешь: «Нет, Ленин правильно говорит, а Троцкий неправ.» У Ленина с Троцким всегда были разногласия.

Потом, когда Троцкий стал врагом народа, Василий Терентьевич боялся за свою жизнь. Когда Берию расстреляли, то снова боялся, т.к. был в НКВД. Да ещё у В. С. Абакумова работал. Всё время жил в страхе. Лишь при М. С. Горбачёве стал носить все награды.

Возможно, лавина репрессий его миновала, так как он никогда не был палачом – «катом», и самолично ему не приходилось расстреливать, как потом он рассказывал старшему внуку.

Он зверства на допросах не уважал, хотя были среди его сослуживцев конкретно любители допросов с пытками.

Бывали и другие случаи.

Знал он одного начальника НКВД, так тот любил брать несколько человек арестованных, сажал в машину и увозил в поле. Там он их отпускал, а когда люди отходили от него, то начинал их расстреливать из пистолета, используя людей как живые мишени.

Через некоторое время его самого арестовали, осудили, как врага народа и расстреляли.

При И. В. Сталине хоть и были каты, которые много натворили из боязни за свою шкуру, но масса чекистов были порядочными.

Затем он работал в транспортном ЧК с Ф. Э. Дзержинским, а позже с В. С. Абакумовым, к которому Василий Терентьевич относился с большим уважением.

Как он рассказывал старшему внуку, хоть В. С. Абакумов был из семьи чернорабочего и швеи, не получил какого-то образования, но был умнейшим человеком. Он многие вопросы народа держал в душе.

Будучи неграмотным, он стал одним из великих разведчиков, крупным деятелем той системы. Будучи из низов, ему претило уничтожать людей, но система и безысходность вынуждала его это делать.

Во время Великой Отечественной войны, Василий Терентьевич был в рядах СМЕРШа. Ему приходилось ловить врагов, давать указание на отстрел шпионов и полицаев.

Когда освободили его родное село, то вскоре все полицаи в округе были пойманы, набралось около ста десяти человек. Этим занимался отряд СМЕРШа под руководством Василия Терентьевича. Их повели под конвоем в райцентр.

Проходя мимо болотистой низины, Василий Терентьевич подумал:

– Пока мы дрались с фашистами, они хорошо жили в тепле и сытости. Работали на фрицев, убивая коммунистов, партизан, грабя, издеваясь над мирным населением. Жировали, ели, пили, девок трахали, а суд им даст всего десять лет лагерей. Это не справедливо!

Обдумав всё, он приказал:

– Конвой, слушай мою команду! По изменникам родины, предателям – огонь!

Конвоиры открыли огонь из автоматов. Никто не выжил.

Придя в райцентр, Василий Терентьевич написал рапорт в управление о массовой попытке к бегству полицаев, и что живым не ушёл ни один. За то, что не дал уйти ни одному полицаю, получил от командования благодарность.

В другой раз, Василий Терентьевич проехал в село, недавно освобождённое от фашистов.

Народ пришел к нему и жалуется. Был в этом селе староста при немцах.

Когда пришли наши войска, то этого старосту солдаты арестовали, допрашивали и командир приказал повесить его на мосту вверх ногами.

Хотя всё село просила не трогать его, он им очень помогал, он был их староста, спасибо ему, но командир не послушал.

Василий Терентьевич нашёл эту часть, нашёл и командира, совершившего самосуд.

– Каждый должен заниматься своим делом, – сказал он командиру, – армия – своим, а СМЕРШ – своим. Вы могли того старосту арестовать и передать в СМЕРШ, но допрашивать, пытать и вешать – это не дело регулярной армии. За это я тебя накажу.

Командир понёс заслуженное наказание, но какое, так дед внуку и не сказал.

Из органов госбезопасности Василий Терентьевич был уволен в начале шестидесятых годов.

Тогда же его приняли на работу в трест инженером по крышным конструкциям, хотя никакого инженерного образования, ни высшего, ни даже среднетехнического, у него не было.

Да и вообще мало кто из чекистов имел образование. Чаще они кроме школьного, а зачастую и неполного начального, ничего не имели, даже высокопоставленные начальники, что Ежов, что Ягода, что Берия, а лишь друг друга назначали на должности.

Из-за отсутствия знаний по крышным конструкциям, Василий Терентьевич идя на работу, брал из дома, или покупал по дороге две свежие газеты.

Приезжая на объект он лез на крышу. К тому времени ему уже было за шестьдесят лет. На крыше он стелил одну газету и садился отдохнуть. Немного отдохнув, принимался читать вторую газету.

Прочитав газету, он пройдёт, что-либо посмотрит по сторонам, поменяет газеты местами. Смотришь и день прошёл. Газеты собрал, в карманы сложил, в трест зашёл и поехал домой.

После окончания Великой Отечественной войны, Василий Терентьевич поселился в Киеве, а жену с сыном Николаем отправил жить в деревню под Сумами.

– Если снова начнётся война, теперь уже атомная, – объяснял он жене с сыном, – Киев разбомбят, а здесь больше вероятности, что вы останетесь живы, да и я с остальными детьми приеду к вам в эвакуацию. Нужно место в деревне, на случай таких событий, куда можно приехать, вот вы и будете держать это место.

Второго сына и двух дочерей он забрал в Киев, а сына Николая с женой оставил в деревне.

– Ты будь здесь, – напутствовал он жену, – смотри за хозяйством.

В 1946 году начался голод в чернозёмных областях РСФСР, на Украине, Молдавии, особенно сильно пострадавших от военных действий, засухи и необдуманной политики государства.

В 1947 году голод продолжился и жена, заболев, умерла.

Похоронив первую жену, через некоторое время, в 48 лет, Василий Терентьевич женился на 22 летней девушке.

С ней он прожил около двадцати пяти лет, но она заболела раком и умерла.

К этому времени все дети жили отдельно своими семьями. Тем, кто жил с ним в Киеве, он помог с квартирами, на должности пристроил, внука Сашку в министерство республики определил.

Чтоб не оставаться одному в двухкомнатной квартире сталинской многоэтажки, Василий Терентьевич поступил мудро, он подал объявление в газету: «Возьму девушку на квартиру».

Спустя какое-то время к нему по объявлению пришла девушка. Высокая такая, под метр восемьдесят, лет тридцати. Звали её Мариной.

Она была замужем, но потом развелась. Муж регулярно бил со страшной силой. То она юбку оденет слишком короткую, то посмотрит ни так на молодого парня, то ещё за что.

Была беременной, избил так, что выкидыш произошёл, теперь она не могла рожать детей.

После этого, она ушла от мужа.

Марина приехала из деревни и поступила работать на завод, начала искать жильё, бросилась туда, сюда, а тут попалась газета с объявлением.

Посмотрела квартиру, оценила будущую свою комнату. Ей понравилось, всё красиво, чисто, квартира хорошая, потолки около трёх метров.

– А платить как? – поинтересовалась она.

– Да мне платить ничего не надо, – ответил он, – так если поможешь чего убрать, приготовить покушать. У меня продукты все есть, я прикреплён к магазину, что в нашем доме, приготовишь и себе, и мне.

Это ей особенно понравилось, и Марина осталась жить. Она стала ходить на работу, а в свободное время помогала убирать, готовила еду и всячески ухаживала за ним, называя «дедушкой».

Однажды Василий Терентьевич сказал ей:

– Марин, иди сюда. Был в городе, посмотрел, молодые женщины выглядят не так как ты. Ты немножко одеваешься не совсем так. Вот деньги, иди в магазин, посмотри, как люди одева-

ются. Купи себе всё что необходимо, и чтоб когда ты шла по городу, тебе в след оглядывались мужчины. Чтобы ты морально чувствовала себя не хуже других.

Этим дедушка совсем очаровал её. Раньше её за это лупцевали, а здесь сам дед предлагает модно одеться, да ещё выделяет денег на это.

По этой причине, когда в следующий раз он положил ей на плечи руки, она их не отдёрнула, а когда крепко обнял, поцеловал и предложил спать вместе, то согласилась.

Была б возможность, то она б и ребёнка ему родила, но жаль, не может после выкидыша.

Официально он с ней не расписывался, да и прописывать не стал. Она прописана была в общежитии и стояла на заводе в очереди на квартиру.

Если б дедушка прописал её в свою квартиру, то она автоматически лишалась очереди на заводе, а этого она не хотела.

Как ветеран гражданской войны и почётный чекист, находящийся на особом учёте, Василий Терентьевич ежегодно ездил в санаторий, бывало по пять раз за год.

Когда ему исполнилось девяносто лет, Василий Терентьевич приехал из очередного санатория, прихватив, как он говорил: «двух старушек, по сорок пять лет каждая».

В квартире они накрыли стол, а он полез на антресоли за банкой компота.

Марины не было дома, она в то время взяла отпуск и поехала в деревню к родителям, помочь по хозяйству.

Не найдя лестницы, Василий Терентьевич поставил один табурет, на него второй, а на второй ещё маленький стульчик и взобрался на эту пирамиду.

Что-то повернулся с банкой подавать. Стулья под ним шатнулись, и он рухнул, поломав себе бедро, ключицу, два ребра. Он грузным был, да и с возрастом кости стали хрупкими.

Гипс ему наложили, но в больницу не стали забирать. Сын приспособил табурет на колёсах, и он разъезжал по квартире.

Сын был известный хирург, работал в клинике ЦК Украины, он делал такие сложные операции, за которые никто не брался, но родного отца не стал определять в какую-нибудь клинику, а прописал лишь домашний уход.

Родственники забрали у деда ключи и по очереди приезжали, проведывали.

Узнав о случившимся с дедом, старший внук взял отпуск и прилетел самолётом проведать деда.

– Если б Маринка была, – стал жаловаться он внуку, и заплакал, – я бы выжил.

– Дедушка, – проговорил внук, расстроившись таким настроением деда, – я всё же надеюсь, что ты выздоровеешь.

– Да нет внучок, наверно не увидимся.

Действительно, гражданская жена Маринка, действовала на деда очень благотворно.

Ещё в первый свой приезд, когда она появилась в квартире, внук обратил на это внимание.

Когда Николаич приехал, ему тогда было лет тридцать два, а Маринке, лет тридцать, почти ровесники. И она там за дедом активно убирала, ухаживала, всё: «Дедушка, Дедушка!». А дед Василий – орёл такой там, весь из себя, довольный таким обхождением.

В следующий раз Николаич приехал поездом.

Дед Василий встретил старшего внука, и они поехали домой.

Дома у деда кухня большая была, квадратных метров пятнадцать, и какая-то она квадратная.

Стол стоял большой круглый, в радиусе метров полтора, стулья хорошие вокруг. Стол уже накрыт, в центре возвышалась какая-то пирамида, вся салфетками укрыта.

После дороги Николаич пошёл в ванну, помылся. Потом зашёл на кухню, сел с дедом за стол. Там уже посуда, всё расставлено: горшки, шкварчки, наготовлены.

Дед снимает с пирамиды салфетки, а там из чешского стекла фиолетового графин такой высокий, рюмки, фужеры.

– Давай внучок, за приезд, – проговорил дед Василий.

– Давай дедушка, – согласился внук.

Дед наливает из графина в рюмки.

«Водку в графин слил дед что ли, наверно напиток благородный какой-нибудь», – подумал Николаич.

Выпивают, а это – самогон, градусов пятьдесят.

Внук быстрей запивать.

– Дедушка, ты что, самогон гонишь? – удивился Николаич.

– Да нет, это не я! Это Маринка!

– Хорош напиток!

– Я вот думаю, внучок, может тебе квартиру сделать?

– А зачем она мне? Я служу, государство по увольнению бесплатную квартиру даст.

– Вот за это я тебя уважаю! Это я проверял, каким ты стал.

Легли спать.

Ночью Николаич спит, слышит, кто-то ковыряется во входной двери.

«Ёкарный бабай! Это ж надо! – подумал внук, – Только приехал, и в эту ночь пришли деда грабить!».

Он встал, зашумел.

– Чего ты там? – удивился дед.

– Да кто-то шебаршит!

– Да ты ложись, – успокоил дед, – это Маринка с работы пришла, она во вторую смену.

Николаич посмотрел на часы, время около двенадцати ночи. Успокоенный дедом, он лег и заснул.

Утром раздался стук в дверь.

– Вставай, ванная налита, – раздался женский голос.

Николаич посмотрел на часы – начало седьмого.

Встал, пошёл в ванну. Ванна такая глубокая, чуть ли не по пояс. Голубого цвета.

Помылся, вода прекрасная, даже синевой отливает. Помыл ванну, открыл воду, чтоб деду набирало.

Подошел к комнате деда и постучал:

– Дедушка.

– Да, да!

– Я там ванну помыл, сейчас набираю тебе.

– А, ну хорошо, сейчас иду.

Дед вышел из комнаты, внук смотрит, а возле кровати её тапочки стоят и дедовы шлёпанцы рядом, друг перед другом.

Николаич посмотрел на Маринку, а она – босяком. «С ней дедушка явно спит!», – радуясь за деда, подумал внук, – «Там глядишь, у меня племянник появится!».

Вспомнив всё это в свой последний визит, Николаич пожалел, что Маринки нет рядом с дедом.

Внук уехал от деда весь расстроенный, но с надеждой, что тот выздоровеет, но этому не суждено было сбыться.

Вскоре дед Василий умер.

Глава седьмая. Родители Николаича

В 1943 году отцу Николаича исполнилось 18 лет и его призвали в действующую армию. Василий Терентьевич пристроил его к другу, командиру полка, и попросил присмотреть за сыном.

Друг направил Николая в орудийный расчёт противотанкового орудия.

В конце войны Николая избрали комсоргов полка.

Он молил Бога, чтоб его не приняли в партию. Так как во время атаки при наступлении первыми погибали комиссар и коммунисты.

Потому, что там было действительно так, как потом показывали в послевоенных фильмах.

Чтоб поднять солдат в атаку, бросался клич: «Коммунисты, вперёд!».

Коммунисты крестились, вставали и шли за своим комиссаром, а не коммунисты уже шли за ними.

В то время на передовой, вступление в партию в среде пехотинцев не было почётно, а равносильно, что человек сам себе подписал расстрел.

После войны вступление в партию начали потихоньку опошлять. Вступали в партию то завистники, то попутчики, то примазывавшиеся, то из-за карьеры.

Это стало одной из причин, по которой произошло то, что случилось в 1991 году.

К 1945 году Николай стал командиром противотанкового орудия.

Шло наступление, в одном из боёв, его орудие разбило.

Их всех собрали и поставили задачу: надо прорваться на ту сторону к немцам. «Вот я с трёхлинейкой бегу, – вспоминал позже Николай, – и молю Бога, чтоб не меня убило…».

В Берлине в 1945 году в атаку шли наши с винтовками, с карабинами, автоматы были у немногих.

У немцев артиллеристы, и танкисты были хорошо обучены, они были снайперы.

Больше трёх раз немец в одно место не стрелял. Если с двух раз не попал, то с третьего раза точно попадёт. А мы бухали, бухали и не всегда попадали.

В Берлине был случай, непосредственным свидетелем которого оказался Николай.

Это произошло когда брали дворец Гиммлера.

Перед дворцом немцы поставили три танка, и они всё стреляют по очереди: один, второй, третий. Улица прямая и они всю расстреливают, невозможно ни орудие выкатить, ни самим солдатам выбежать.

Была дана команда: «Орудие на прямую наводку!».

Наши орудие хватают и принялись выполнять команду. Но пока выкатили, пока прицелились, танки бух, бух, и нет орудия. Второе также разгромили.

У одного из орудий командиром был сержант, русский, шёл из Сталинграда.

Сам рыжий, рыжий, а вся прислуга, орудийный расчёт – узбеки. Они по-русски плохо понимали, так он выучил узбекский быстрее, чем они русский.

Командир орудия говорит:

– Разрешите, я!

– Да ради Бога, – с радостью согласились все, хоть на десять, двадцать минут отсрочка от расстрела.

Он даёт своим команду, заряжают орудие, он сам к прицелу, подвёл, а бойцов просит:

– Вы нас разгоните, а дальше мы сами.

Бойцы разгоняют орудие с расчётом из-под арки. Орудие под арку покатилось, а бойцы назад спрятались.

Выскочив на улицу, его расчёт разворачивает орудие, он уже за прицелом, стреляет и попадает первому танку под башню.

Тут же стоит узбек, кидает второй снаряд, и стреляют во второй танк.

Два они успели подбить, оба танка не успели выстрелить, растерялись немцы от такого напора.

В это время в них стреляет третий танк и сразу попал. Он был снайпер: два раза выстрелил и два раза попал. Орудие разбито, всех разметало.

Командир орудия остался жив, но ему повредило позвоночник.

Выбежавшие бойцы положили его на доску и оттащили во двор. Начали оказывать первую медицинскую помощь и звонить, вызывать санитарную машину.

Бойцы кругом прошли, смотрят: два танка горят, третий ничего не видит. Уже его можно добить. Командир орудия решил исход боя.

Приехал командующий. Снял со своей груди звезду героя, навесил ему. Дал указание написать представление на Героя Советского Союза.

Командира погрузили в санитарную машину и увезли. Что стало с ним в дальнейшем – неизвестно.

Когда взяли Рейхстаг, после взятия Берлина, начался грабёж магазинов, брошенных убежавшими владельцами.

Дали команду: посылки домой можно отсылать. Всем назначили вес. Рядовому по пять килограмм, командиры – больше.

Командир полка говорит:

– Коль, ну проедься по их магазинам. Собери мне чего-нибудь, отправь жене и двум дочкам.

Николай сел в американскую эмку и поехал. Подъехал к одному из магазинов, оказался шляпным.

Он подумал: «Что по магазинам ездить, можно и здесь взять!».

Он набрал кучу шляп, тюк целый упаковал, они лёгкие, вес проходил, и отправил это жене командира. Потом ещё что-то отправляли.

Вскоре жена прислала письмо, где писала мужу про шляпы, что некуда в них ходить, лучше бы трусов прислал.

Командир вызвал Николая и говорит:

– Коль, я ж тебя просил, как человека, ну а ты что? Наверно рассказал всем, что шляпы ей отправил, теперь уже весь полк смеётся.

В том же 1945 году Николая демобилизовали из армии, вернулся домой и вскоре отец отправил его с матерью жить в деревню под Сумами.

С фронта Николай пришел возмужавшим, весь в орденах, красавец. Многие девчата были влюблены в него.

Шестнадцатилетняя Мария всё бегала за ним.

Он ей тоже оказывал знаки внимания, был даже влюблён в неё, что привело потом к интимной близости. Но она закончила восемь классов и уехала в Севастополь учиться в училище на моляра и их связь прервалась.

После смерти матери, в 1947 году, Николай уехал в Киев к отцу и брату с сёстрами. Там он стал возить директора фабрики музыкальных инструментов, и был на хорошем счету.

Директор его оставлял в городе, предлагая выделить от фабрики квартиру, но Василий Терентьевич ругался:

– Сколько можно быть здесь? В деревне, сколько хозяйства брошено, езжай!

Под натиском отца, Николай вынуждено вернулся в деревню. Там он устроился в школе делопроизводителем.

Выдавал зарплату, книги в школьной библиотеке и выполнял другие обязанности.

В конце лета к ним пришла на работу, по распределению из пединститута, новая учительница, Мария Прокопьевна Гончарова.

Это была симпатичная, стройная девушка, лет тридцати двух, но не замужем.

Николай Васильевич сразу обратил на неё внимание, тем более что звали её так же, как первую возлюбленную.

Он увлёкся ею, стал активно ухаживать, и вскоре она ответила взаимностью.

Поняв, что они любят друг друга, молодые люди поженились.

Прошёл положенный срок и у молодых супругов, в 1952 году, родился сын. Прошло ещё некоторое время, и у них родился второй сын.

Работая делопроизводителем, Николай Васильевич получал 250 рублей, до реформы 1961 года, а Мария Прокопьевна – 400 рублей. Эти деньги быстро тратились.

Когда Николаич пошёл служить, то встретил старого мичмана.

Он срочником служил в те годы, при Н. С. Хрущёве.

Так тот мичман был тогда старшиной, и получал 700 рублей. Больше, чем родители Николаича, вместе взятые.

В пятидесятых годах огорода врачам и учителям в деревне выделяли 25 соток, а колхозникам – 50.

Картошки получалось меньше, а свиней кормить надо было картошкой и бурьяном, зерна мало было, и им не кормили.

Белый хлеб был один раз, на Пасху. Пасхи пекли все поголовно, включая милицию и секретаря райкома.

Матери Николаича стало тяжело управляться по хозяйству, с двумя детьми, да ещё преподавать в школе, да и Николай Васильевич мало получал.

На семейном совете, посовещались и решили переехать к родителям жены, там бабушка поможет в уходе за внуками.

Подумали и переехали из деревни под Сумами, в деревню около Коренево.

Там Мария Прокопьевна пошла в школу, учительствовать, а Николай Васильевич записался в местный колхоз.

В колхозе Николая Васильевича назначили председателем ревизионной комиссии. У него было два помощника, лошадь с телегой, да сажень с верёвкой.

Они ездили, проверяли как ревизоры, сколько зерна убрано, достоверно ли даны сведения. Поголовье коров считали, каков приплод, сколько сдохло. Сколько горючего израсходовано. Когда стога метали, то оставалась солома.

Проверяющие писали, сколько заготовлено соломы. Едут, обмеряют, всё учитывают. Если больше – хорошо, если меньше, то обман идёт.

Однажды разговаривали односельчане про своего соседа, бывшем полицае.

– Может он ещё живой, – предположил один из присутствующих.

– Нет, их всех батька расстрелял, – сообщил Николай Васильевич.

Узнав об этом разговоре, Василий Терентьевич сильно разозлился на сына.

– Дурак, негодяй! – орал он, хотя в других ситуациях, дед никогда не повышал голоса.

Прошло некоторое время и Николая Васильевича назначили бригадиром полеводческой бригады.

В 1964 году его бригада вырастила огромный урожай свеклы, и Николаю Васильевичу насчитали получить денег 4500 рублей, уже новыми. Тогда так начисляли всем за перевыполнение плана.

Это были бешеные деньги. В то время самый дорогой автомобиль «Победа» стоил 2200 рублей. Две «Победы» заработал Николай Васильевич.

На октябрьском пленуме ЦК КПСС сняли Н. С. Хрущёва и назначили Л. И. Брежнева.

Л. И. Брежнев, как только заступил, то сразу дал команду, чтоб эти деньги не выплачивать.

В конце концов, Николай Васильевич получил всего 800 рублей, из причитающихся 4500.

А при Н. С. Хрущёве, он бы получил полностью вознаграждение. Можно было бы построить дом, купить что-либо в дом, а тут получил 800, и думай, куда их израсходовать.

Когда старшему сыну исполнилось пятнадцать лет, семья переехала в областной центр на постоянное месть жительства.

Глава восьмая. Жизнь в деревне деда Прокопа

Хоть родился Николаич в деревне под Сумами, но детство и юность до пятнадцати лет провёл в другой деревне.

Она на ровном месте стояла, в двадцати двух километрах от Коренево. Был пруд.

Эта деревня была особенной.

Если жители окрестных деревень говорили на чистом русском языке, то жители этой деревни разговаривали на украинско-русском суржике, а многие только на украинском.

Причём появились жители этой деревни в здешних местах, относительно недавно, всего пару сотен лет назад.

Откуда они пришли неизвестно, но некоторые краеведы считают, что во времена крепостного права, жители их деревни были куплены где-то в Малороссии князем Барятинским и переселены в эти края. Хотя до революции в деревне был свой помещик, и он имел небольшой удел земли.

Как Николаичу рассказывал дед Прокоп, эти земли были во владении князя Барятинского. Его земли были в Марьино, в сторону Сум.

В Сумской области были земли сахарозаводчика Терещенко, Под Коренево есть до сих пор Мазеповка, Ивановка, Степановка, это земли Мазепы, но потом они отошли царю.

Пушкарное – тоже царская земля. В Пушкарном все дома, хоть и маленькие, но добротные и сложены из кирпича.

Как говорил дед Прокоп, на царских землях люди жили лучше всех. Они меньше всего облагались налогами, были более свободными, чем остальные, не крепостными, а царскими. Они сами вели торговлю и царских никто не смел обидеть, вот оттуда у них и достаток.

В двадцатом веке жителям деревни деда Прокопа досталось пережить много различных событий.

В 1918 году немецкие войска оккупировали Коренево и захватили дедову деревню. Они чуть-чуть до губернского центра не дошли.

Когда рота немцев в первую мировую заняла дедову деревню, то мужики, посовещавшись, решили вырезать их.

Ночью сняли часового и перерезали врагов.

Утром народ пришёл к избе, где жил немецкий капитан и его рота, и стали ждать указаний на работу. Но никто не вышел. Немного подождав, народ послал старосту выяснить, в чём дело.

Староста вошёл в дом и обнаружил, что вся рота перерезана, а обмундирование с оружием похищены.

Тогда немцы никаких репрессий не делали, так как не нашли, кто это сделал.

В первую мировую войну немцы были другие. Не было Гитлера, не было «СС», было другое воспитание и другие взгляды.

Тогда немцы решили, что партизаны, или отряд какой проходящий это сделал. Никто не мог подумать, что это банда деревенская могла такое совершить.

Когда красные пришли в гражданскую войну, то мужики дали указание бабам. Те красноармейцев напоили, накормили и когда те уснули, раздели их и забрали всё оружие.

Потом все они были под Г. И. Шаховым, в его банде.

После гражданской войны, крестьяне принялись обрабатывать полученную землю.

Кто мог обрабатывать, а кто и нет. Не все знали, что выращивать, не чем было сеять, не знали что и как. Работать в основном все хотели, но не могли.

Почему и кулаки появились. Семья – пять человек, а подчас и больше.

Бывало, что из работников – отец, мать и семеро сыновей, а в другой семье – отец, мать и семь дочерей.

Естественно, в первой семье будет больше достатка и лучше выполнена работа на земле.

Как сейчас. Кто-то собрался на рынок, провернулся, киоск купил. А второй не может идти продавать, он может только работать. Так и тогда. Кто-то не может обрабатывать.

Отдаёт свою землю другому. А сам идёт к нему в работники. Когда землю раздали, то началось расслоение на кулаков и бедняков, пошло деление на бедных и богатых.

Это не устраивало новую власть. Дед Прокоп вспоминал, как раскулачивали.

Собиралась голытьба, комбед. Вот там называют таких-то.

Вся семья работала, земля у них была, дом приличный построили, жатки у них были, лошади, паровая молотилка.

Решили раскулачить их. Послали в волость гонца с письмом, что это кулаки, кровососы.

Приезжают милиционеры, указанную семью сажают на подводу, забирать с собой ничего нельзя, и повезли куда-то.

Что остаётся, комбедовцы пропивают, свиней режут, яйца жарят, кур и другую живность режут.

Самогон пьют, тогда у всех был самогон. Всё попили, пожрали.

Комбед этот, человек пятнадцать, каждый вечер собирались. Сами работать не хотят, а собирались решать, что делать дальше.

Накурят, наплюют и думают весь вечер и всю ночь.

Раскулачат одного, потом следующего. Комбед в основном занимался вот таким раскулачиванием, а больше проку от него не было.

Когда ж началась коллективизация, то в колхоз тащили всё.

У него последняя коровёнка, и ту надо было отдать в колхоз. Землю всю забрали, хозяйство полностью забрали.

Вплоть до того, что кур забирали. Нет, чтоб у него две коровы: одну ему, а другую в колхоз, или брать тёлок, а брали всю живность. Семьи оставляли на вымирание.

В начале XX века в полутора километрах от деревни деда Прокопа был хутор, который потом назвали «Десятый октябрь». Хутор стоял на обрыве, вдоль речки.

Между деревней и хутором была болотина, заросшая вербой, ракитой и другими растениями. Было полностью всё заросшее.

В период коллективизации всё там вырубили и вырезали на дрова, топить хаты.

До этого пахали, сеяли, соломой топили, заготавливали дрова в лесу, торф резали, а тут такое создалось, что вынуждены были всё вырезать.

Потом там осталось чистое поле.

Дорога из деревни деда Прокопа вела через глубокий овраг. Когда мужики собирались ехать на базар, то брали с собой всякие оглобли, брёвна.

При подъезде к этому оврагу, всё это вставлялось в колеса, и так тормозили. Чтоб при спуске, телега не убила лошадь. На дне оврага они вынимали оглобли и брёвна.

Другой склон был пологим. Когда ж возвращались назад, то на дне оврага слезали с телеги и помогали лошади подняться на крутой склон оврага.

Неподалёку от деревни был заказной лес, то есть государственный, под охраной. Дубы росли вековые.

Его периодически чистили, хворост можно было собирать только под присмотром лесника. Дубы пилить нельзя было.

При И. В. Сталине если кто пойдёт, то расстреляют за рубку леса.

Этот лес был с качественной древесиной, хозяйский. Где росла лоза, хворост, то это считалось сорным.

Выпиливание там даже приветствовалось, чтоб меньше зарастало земли. Ночами вырезали и вывозили, а утром все делали вид, что ничего не произошло.

В колхозе тоже топили, кто, чем мог.

Ещё до войны стали заготавливать торф, И. В. Сталин дал команду, обрабатывать торфяники. Торф резали, сушили.

Потом начали централизованно завозить. В Глушково была суконная фабрика. Торф туда возили, а люди на фабрике покупали себе торф.

Значительно позже начали возить уголь, через сельсовет выписывали. Вначале был наш антрацит, потом тульский, а потом польский. Самый плохой был польский.

Топили и соломой. Уборка прошла, в колхозе свозят солому скоту, что на корм, что на подстилку, и выписывали людям на топку. Кто сколько сможет.

А сейчас вся солома сжигается.

До войны в деревне построили приличную, для тех времён, школу.

Старики умели деньги считать, печатные буквы читали.

У каждого был Евангелий и старики читали его.

До войны большинство населения имели четыре – семь классов, а десятилетка, это считалось: «Ого – го!». Она тогда считалась, как сейчас институт.

Во время Великой Отечественной войны много испытаний досталось дедовой деревне.

Осенью 1941 года эти места уже были оккупированы немецко-фашистскими войсками.

Во время оккупации, немцев не было в деревне, они были в Коренево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.